

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Еженедѣльный, театальный и литературно-художественный иллюстрированный журналъ.

№ 4—5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1907 Г.

СОДЕРЖАНІЕ:

„Въ эту ночь“—рождеств. рассказъ—Е. Койранскаго; „Въ чалу“—рассказъ Н. Н. Димова; „Кумиръ“—романъ Н. Н. Брешко-Брешковскаго; „Женскіе силуэты“—стихотв. В. Уманова-Капуновскаго; „Воспоминанія артиста“—А. З. Бураковскаго; Стихотвореніе Л. Татищева; „Театръ и Жизнь“—Нео-театрала; Театральное эхо; Театры: Михайловскій, В. Ф. Комиссаржевской, Старинный, Петербургскій и др.; „Дядюшкинъ

сонъ“—Гвида; Нѣсколько словъ объ устроителяхъ старин. театра — В. Блохина; Театральная хроника; По Россіи; Письмо въ редакцію Георга Луриха. Портреты: О. О. Преображенской, Айседоры Дунканъ, П. Н. Брешко-Брешковскаго, В. Я. Свѣтлова, А. А. Санина. Рисунки и заставки художниковъ: В. И. Келина, С. Шевченко, Г. Шклявера, Лыкова и др.

„ВЪ ЭТУ НОЧЬ...“

(РОЖДЕСТВЕНСКІЙ РАССКАЗЪ).

Когда лопнула антреприза Агренева-Арскаго, актеры драматической труппы составили «товарищество». Но дѣла отъ этого лучше не пошли: сборы не превышали 12—15 рублей, а вечеровой расходъ на плотниковъ, реквизитъ и освѣщеніе достигалъ суммы въ пять рублей. Не смотря на всю ничтожность, эта цифра ложилась тяжелымъ бременемъ на труппу.

Деревянный сарай, гдѣ раньше помѣщался складъ хлѣба, принадлежалъ единственному въ городѣ меценату и покровителю Мельпомены, бакалейщику Ивану Власьеву Курихину.

Два три семейства городской интеллигенціи, офицеры полка расположеннаго въ окрестностяхъ городка, нѣсколько купеческихъ семействъ—вотъ всѣ, кто интересовался театромъ и посѣщалъ это старое, мрачное зданіе.

Въ эту торжественную ночь, когда въ свѣжемъ, морозномъ воздухѣ блестяли ледяныя иголки, а на черномъ, какъ старый бархатъ, небѣ ярко горѣли звѣзды—въ эту ночь старый сарай былъ особенно угрюмъ и страшень. Когда-то въ немъ гастролировалъ бродячій циркъ

Труцци и большой кусокъ полотна съ облупившеюся надписью остался на фронтонѣ театра.

Старое полотно трепетало подъ порывами рѣзкаго вѣтра, рвалось куда-то вдаль, напрягая всѣ силы, чтобы оторваться отъ старыхъ стѣнъ, умчаться къ этимъ яркимъ, безстрастнымъ звѣздамъ. Жалобно скрипѣли доски сарая, стонали и жаловались на свою судьбу, вѣтеръ безпрепятственно входилъ въ большія щели, врвался въ разбитыя стекла, и хозяйничалъ въ небольшой деревянной будочкѣ съ громкой надписью «касса». Будочка была пуста, потому что въ ней не было никакой надобности. Порывы вѣтра захлопывали ея сосновую дверь, которая жалобно стонала на ржавыхъ петляхъ. Единственный обитатель будочки, городской полицменъ и стражъ безопасности обывателей уѣзднаго города Спасска, подслѣповатый Акимъ, рѣшилъ въ эту великую ночь совершенно не выходить на улицу, а потому будочка была пуста и одинока среди мглы широкой площади городка.

Пусто было и въ театрѣ, въ этомъ

холодномъ деревянномъ сараѣ, который пугалъ своимъ мрачнымъ видомъ случайныхъ прохожихъ. Пусто и уныло. Какъ ряды покойниковъ сѣрѣли стулья и кресла партера, ложи казались большими черными впадинами, а вмѣсто оркестра смотрѣла страшная пропасть, изъ которой высывались худыя костлявыя руки пюпитровъ. Пусто и уныло было въ старомъ сараѣ и однообразный мотивъ вѣтра навѣвалъ ужасъ своимъ воемъ.

II.

Въ сочельникъ утромъ труппа окончательно распалась. Премьеръ, первый любовникъ, Ларинъ, заложилъ смокингъ и черные часы вороненой стали у единственнаго ростовщика города Спасска, лудильщика мѣдной посуды, еврея Бейкича за четыре съ полтиной и укатилъ на четверкѣ лошадей въ Рязань, за сорокъ верстъ отъ Спасска. Премьершу, хорошенькую блондинку Богдановскую увезла большая компанія офицеровъ въ полковое собраніе, гдѣ была устроена елка и предполагалось провести весело

время въ эту великую ночь рождественскаго сочельника. Режиссеръ Аржанниковъ и его помощникъ Бутыркинъ «пристроились» къ офицерамъ и также отравились въ полкъ слѣдомъ за Богдановской. Перспектива быть въ теплѣ, вволю ѣсть и пить и сидѣть въ ярко-освѣщенномъ залѣ такъ радостно улыбалась режиссеру и его помощнику, что они не знали какъ и чѣмъ развлечь и занять своихъ радушныхъ хозяевъ. Всю дорогу до полкового собранія сыпались шутки, анекдоты изъ актерской жизни и рассказы о похожденияхъ, въ которыхъ видную роль играли сами рассказчики. Похождения были до того невѣроятны, до того фантастичны, что даже привыкшіе къ всевозможнымъ полетамъ актерской фантазии офицеры добродушно замѣчали:

— «Ну, братецъ, ты, кажется, того...»

Это «того» однако не смущало рассказчика.

— Вы не вѣрите, Василь Васильичъ?— дѣлалъ онъ удивленные глаза:— ей-Богу-съ! Спросите Мишку...

Мишка, онъ-же помощникъ режиссера Бутыркинъ, утвердительно кивалъ головой и подтверждалъ слова Аржанникова. Дѣлалъ онъ это принципиально, потому что хотя въ душѣ и ненавидѣлъ своего режиссера, но считался съ актерской этикой, мнилъ себя «старымъ актеромъ» и «свое актерское сословіе» ставилъ превыше всѣхъ сословій, которыя имѣютъ счастье числиться въ составѣ населенія безграничной матушки-Руси.

Изъ всей труппы спасскаго театра остались безъ крова, денегъ и пищи трое; двое—мужчинъ, одна—женщина. Комическая старуха, Радина, трагикъ Бурцевъ и «благородный отецъ»—резерверъ Муриновъ-Симбирскій въ эту морозную ночь не знали куда склонить безпріютную голову и остались въ мрачномъ театрѣ, на что послѣдовало милостиво-разрѣшеніе владѣльца послѣдняго, бакалейщика Ивана Власьева Курихина.

III.

Въ маленькой съ облупленными обоями мужской уборной горѣла сальная свѣчка и отблески ея желтаго пламени бросали неровныя, черныя тѣни по угламъ. На полу, на старомъ пальто, прикрытый грязнымъ ситцевымъ одеяломъ, изъ котораго торчали клочья ваты, лежалъ Бурцевъ и спалъ. Ровный храпъ его долеталъ до самыхъ дальнихъ угловъ корридора, который шелъ отъ оркестра въ зрительномъ залѣ вдоль всѣхъ уборныхъ. Бурцевъ съ утра былъ пьянъ, цѣлый день спалъ и только изрѣдка, проснувшись, подымался и большими глотками пилъ холодную, какъ ледъ, воду изъ кувшина. Трагикъ былъ высокій, худой и мрачный человѣкъ съ большой гривой сивыхъ волосъ, любилъ выпить, а когда былъ пьянъ, то плакалъ и жаловался на свою судьбу. Денегъ у него не было никогда, но напиваться онъ успѣвалъ регулярно каждый день; на какія деньги, кто угощалъ его—это оставалось вѣчной загадкой.

На стулѣ, рядомъ со спавшимъ Бурцевымъ, сидѣлъ полный, кругленькій Муриновъ-Симбирскій, лысенькій, добродушный «благородный отецъ» труппы. Устремивъ глаза въ желтое пламя свѣчи, онъ весь съежился на своемъ искалѣченномъ, полу-бутафорскомъ стулѣ и кукался отъ холода въ старенькую куцавейку, которая была надѣта на него,

поверхъ пиджака. Красныя руки, губы и кончикъ носа посинѣвшіе отъ холода свидѣтельствовали о томъ, что ватная куцавейка отказывалась за выслугу лѣтъ служить своему хозяину. Лысенькій старичекъ уставился въ одну точку и предъ его красноватыми воспаленными глазами со слезящимися вѣками проходила одна за другою картина его грустной, бродяжнической жизни русскаго актера. Одна за другою проходили эти картины, одна другой безотраднѣе, одна другой мрачнѣе... И чѣмъ дальше, чѣмъ дальше отъ того перваго дня, тогда онъ молодой, полный силъ и здоровья, впервые появился предъ залитой огнемъ рампой, чѣмъ дальше отъ того дня—тѣмъ печальнѣе были эти картины. Быстро промелькнула молодость, быстро уявили силы, исчезли послѣднія надежды выбиться на большую дорогу, обезпечить себѣ старость... Грустно, грустно, грустно... И холодно... И кушать хочется... чего-нибудь кушать...

Вѣтеръ гудитъ, воетъ въ трубѣ; крысы шмыгаютъ по старому, длинному корридору, пищать... Кушать хочется старому лысенькому старичку, который уставился въ одну свѣтлую точку сальной свѣчи... Ахъ, какъ хочется кушать...

Пьяный Бурцевъ задвигался, застоналъ во снѣ.

За тонкой перегородкой послышался вздохъ; кто-то протяжно произнесъ:

„О, Господи-и-и“—и затихъ...

Это Радина стонетъ. Одинокая, забытая и Богомъ и людьми комическая старуха, Радина.

Въ женской уборной, между ломаннымъ умывальникомъ и сваленными въ кучу желѣзными садовыми скамейками, на полу, опершись головой о перегородку, полуживитъ эта исхудалая женщина съ впавшими щеками и темными кругами подъ глазами.

Въ женской уборной темно: нѣтъ даже сальной свѣчки. Ту, что была, съѣли крысы вмѣстѣ съ гриммомъ и остатками вазелина въ жестяной коробкѣ...

— Марья... Марья Степановна... Ты не спишь?..

Отвѣта не было.

— Марья... Радина... — встревожился вдругъ лысенькій „благородный отецъ“— что съ тобой? Что ты не отвѣчаешь?!— кричалъ онъ изъ-за перегородки.

— Господи, да что тебѣ?—заговорила Радина—чего ты раскричался...

— Да я ничего... Я иду къ тебѣ — сказалъ онъ и поднялся со стула захвативъ съ собою свѣчу.

Дверь скрипнула, заскрипѣли половицы корридора, забѣгали черныя тѣни и вразсыпную бросились невидимыя крысы.

Онъ поставилъ свѣчу и молча опустился на желѣзную садовую скамью.

— Скучно, Марья...

Радина молчала. Пьяный Бурцевъ закричалъ, застоналъ во снѣ, не-то сталъ читать молитву, не-то ругался...

— Скучно, Марья... Вотъ сочельникъ... Всѣмъ весело, радостно... А мы... одинокіе, голодные, забытые... Нѣтъ ни друзей, ни родныхъ... Семьи нѣтъ, Марья... Семьи нѣтъ...

— Слушай, уйди ты, ради Христа!—быстро заговорила Радина.—Что онъ это, въ самомъ дѣлѣ? Чтожъ я безъ тебя не знаю, что-ли? „Семьи, семьи“—злбно передразнила она Муринова-Симбирскаго, —ну что ты ноешь? И такъ-то тяжело...

Бурцевъ за перегородкой проснулся. Онъ всегда ссорился съ Радиной и не любилъ ее за то, что она упрекала его за пьянство. Муринова онъ любилъ и ревновалъ его къ Радиной. И теперь онъ былъ очень недоволенъ, что Муриновъ пошелъ къ Радиной, а его оставилъ безъ свѣта. Еще пьяный, онъ ворчалъ и вертѣлся съ боку на бокъ на своемъ жесткомъ ложѣ.

— Семьи нѣтъ, Марья... И не было никогда... Былъ уютный кабакъ, пьяная компанія, а семьи, семьи не было... Никогда... Не было...

— О, Господи-и-и-и...

— Нельзя жить безъ семьи... Издыхаешь, какъ собака... Безъ семьи... подъ заборомъ...

— Господи-и-и... Заладилъ одно: „семьи“...

Бурцевъ ругался за перегородкой.

— Слушай, ты, «благородный отецъ»... Неси сюда свѣчку...

„Какъ тебѣ не стыдно,

Какъ тебѣ не жаль:

Ты меня мѣняешь

На такую шваль“...—

запѣлъ онъ хриплымъ отъ водки басомъ.

Радина стонала. Муриновъ бессмысленно повторялъ «семьи нѣтъ... семьи»... «Какъ тебѣ не стыдно» — хрипѣлъ Бурцевъ.

«Рождество Твое, Христе Боже нашъ»...—неслись откуда-то свѣжіе тоненькіе голоса. Казалось небесныя хоры спустились на землю и славословили Великую ночь...

Въ старомъ сараѣ умолкли. Тихо догорала сальная свѣчка. Муриновъ съежился въ своей куцавейкѣ; Радина плотнѣе прижалась къ перегородкѣ, Бурцевъ не спалъ, но молчалъ.

«Слава въ Вышнихъ Богу, и на земли миръ, во челоуѣцѣхъ благоволеніе»...—стройно звучали торжественныя слова молитвы... Слышался благовѣстъ.

— Господа актеры—внезапно раздался чей-то знакомый голосъ—господа актеры...

На порогѣ стоялъ Курихинъ.

— Господа актеры, въ такую ночь, не откажите встрѣтить праздникъ у меня-съ... Не обезсудьте, господа актеры! Чѣмъ Богъ послалъ! Такъ что я сегодня разговоръ имѣлъ съ господиномъ полицмейстеромъ, и они также-съ можно сказать отъ всей души къ вашей участи-съ благослонны отнесли и все прочее-съ... А также изъ городскихъ суммъ по двадцать пять вамъ на брата... пока-что... И не обезсудьте.. хлѣба-соли въ моемъ домѣ... и немедленно-съ.. Прошу...

Въ эту Великую ночь три человѣка были сыты. Было тепло. Весело. Ярko горѣла елка. Бурцевъ былъ пьянъ, и лѣзъ цѣловаться съ Курихинымъ, На глазахъ Радиной стояли слезы. Муриновъ блаженно улыбался и повторялъ: «Семья, Марья... Семья... Хоть чужая, но семья... Пока что—устроились... По двадцать-пять на брата... Это хорошо, Марья... Жаль вотъ, нѣту Богдановской и Аржанникова — порадовались-бы... Тоже вѣдь, и ихъ жалко...»

Съ улицы неслись голоса:

«Во челоуѣцехъ благоволеніе... Слава въ Вышнихъ Богу»...

Въ морозномъ воздухѣ сверкали иголочки. На темномъ, какъ черный бархатъ небѣ, ярко горѣли звѣзды.

Евгеній Койранскій.

Въ ч а д у.

(о к о н ч а н і е).

V.

Коницынъ сидѣлъ въ кабинетѣ доктора весь блѣдный и устремилъ свои безумные глаза на него.

— Вы, профессоръ, говорите свое послѣднее слово?.. Это послѣдній приговоръ?.. Или, можетъ быть, есть еще сомнѣнія?..

— Какія тамъ сомнѣнія!—съ раздраженіемъ крикнулъ профессоръ. — Исслѣдованіе точно все опредѣлило!.. Вы очень поздно обратились къ намъ... Леченіе ваше теперь не можетъ идти такъ успѣшно, какъ раньше... Болѣзнь въ самой злостной формѣ...

— А у меня черезъ два мѣсяца свадьба,— какъ автоматъ произнесъ больной.

— Свадьба?! Съ такими болѣзнями я не совѣтую жениться. Даже если мы залечимъ, то, все-таки, я не поздравлю ваше потомство.

Коницынъ дальше не слушалъ. Онъ поднялся и направился къ дверямъ.

— Да куда вы?—окликнулъ его профессоръ.

— А еще что?

— Я вамъ дамъ указанія, рецепты и все прочее...

— Сейчасъ не надо... Я все равно ничего не понимаю теперь... Зайду въ слѣдующій разъ.

— Какъ желаете!—отвѣтилъ профессоръ и нажалъ электрическую кнопку:

— Просите слѣдующаго.

«Это можетъ кончиться слишкомъ трагически!—вдругъ забеспокоился профессоръ.— Нужно бы дать знать его домашнимъ, чтобы понаблюдали за нимъ... Сейчасъ, что ли, вызвать кого-нибудь?.. Да ничего: авось все обойдется благополучно... Напишу послѣ приѣма... Еще уйма посѣтителей».

Между тѣмъ, Евграфъ Петровичъ сѣлъ на извозчика и отправился домой.

Придя въ кабинетъ, онъ заперъ на замокъ двери и усѣлся за письменный столъ.

«Что же теперь дѣлать?—подумалъ онъ.— Путь одинъ... Исхода другого нѣтъ... Неужели это возмездіе? А, можетъ быть, только случай?.. Нѣтъ, это не случай... Осквернился, да и еще въ какую минуту. Это такъ не могло пройти... Но какое ужасное возмездіе!.. Я еще такъ молодъ... Всего двадцать четыре года.—Жизнь впереди... Да что тутъ толковать? Путь одинъ...»

Онъ открылъ средній ящикъ въ столѣ, вынулъ браунингъ, тщательно осмотрѣлъ его и положилъ на столъ.

«Все въ исправности... А интересно знать, отъ кого Прагина получила то прекрасное приобрѣтеніе, которое она передала мнѣ въ ночь моего оскверненія? Да чего тутъ интересоваться? Не все ли мнѣ равно... Заразиться я могъ только отъ нея, такъ какъ сношенія съ женщинами имѣлъ только единственный разъ въ жизни... И эта женщина была она... А не спросить ли ее?.. Къ чему? Легче вѣдь не будетъ мнѣ».

Коницынъ прошелся по кабинету и остановился у фотографіи, на которой сняты его отецъ, мать, два младшихъ брата и три сестры.

«Прощайте, мои дорогіе... Вы столько надеждъ возлагали на меня... Не суждено вамъ освободиться изъ когтей нищеты при моемъ содѣйствіи... Я уже не работникъ для васъ... Простите меня».

Онъ снялъ фотографію и сталъ осыпать поцѣлуями отца, мать, братьевъ, сестеръ...

Слезы катились изъ его глазъ...

«Ну, прощайте же еще разъ и еще разъ... Простите своего несчастнаго Евграфа. Онъ слишкомъ несчастенъ, чтобы жить».

«А ты, мое счастье,—поднесъ онъ къ губамъ портретъ Тамары,—не будь тебя, я, можетъ быть, еще и рискнулъ бы остаться здѣсь... Но какъ подумаю о тебѣ... Нѣтъ силъ... Что я тебѣ скажу?.. А вдругъ ты отвѣтишь мнѣ: «Что бы ни произошло, я все таки твоя»... Нѣтъ, этого не должно быть... Да, я знаю тебя:

ты скажешь это непременно... Ты святая... Ненужно! Ненужно!».

Послѣднія слова Коницынъ уже выкрикнулъ.

«А, можетъ быть, отложить?.. Снова колеблешься ты, безхарактерный человѣкъ!.. Снова какъ въ ту ночь, ночь оскверненія! Нужно поскорѣе покончить эту комедію»...

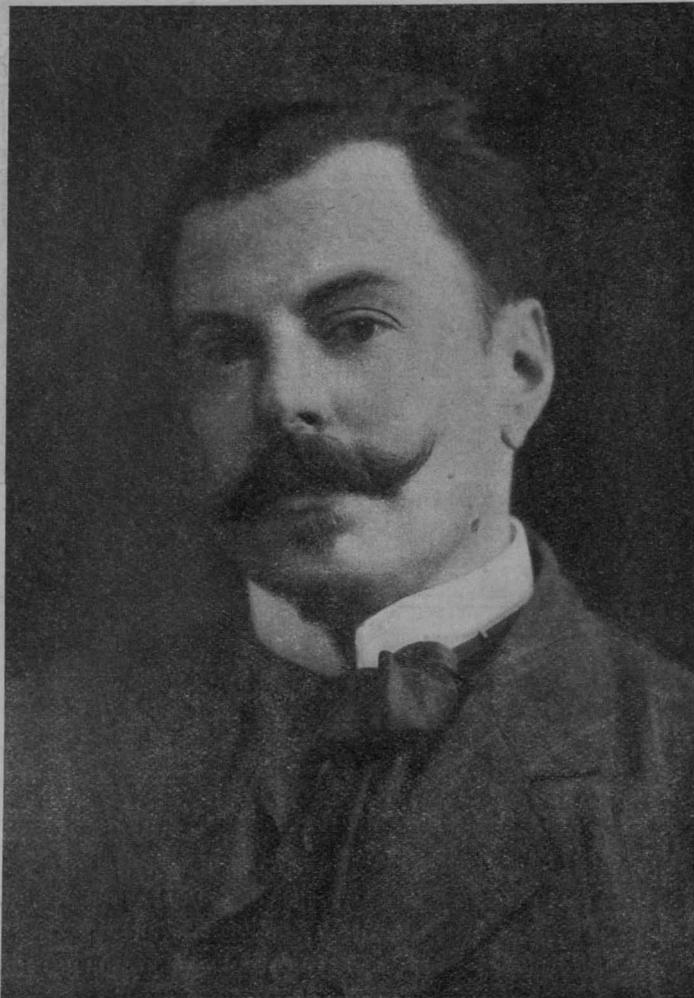
«Нужно написать ей... Но что писать?.. Пусть лучше не знаетъ истинной причины... Ты жизнь моя!.. Какъ же мнѣ ради тебя не пожертвовать своею жизнью!.. Напишу ей немного».

Окончивши письма, онъ вышелъ на лѣстницу, вызвалъ изъ конторы артельщика и попросилъ его письмо, адресованное къ отцу, послать заказнымъ пакетомъ. Письмо же къ Тамарѣ велѣлъ сейчасъ снести къ ней на квартиру.

«Такъ лучше,—разсуждалъ онъ самъ съ собой,—зачѣмъ постороннихъ посвящать въ эту тайну? А чтобы власти не ломали голову надъ выясненіемъ причинъ самоубійства оставлю здѣсь на столѣ лаконическую записку: «Въ смерти моей прошу никого не винить. Коницынъ».

Н. Димовъ.

Мих. Трещко-Трещков

Кумирь.

(Романъ изъ жизни борцовъ-атлетовъ).

Въ пальцахъ у японца такая сила, что однимъ нажимомъ онъ вгоняетъ гвоздь въ доску. И гвоздь входитъ такъ, какъ если бы это было не дерево, а масло. Самые выносливые могучіе борцы не выдерживаютъ его «грифа» — зажима, блѣднѣютъ, руки у нихъ парализуются, становятся чужими, и у запястья остаются кровавые браслеты.

Гусевъ пронзительно свиснулъ.

Турокъ и японецъ встрѣтились лбами. Османъ-Мамедъ, боясь ужасныхъ прикосновеній, спряталъ руки назадъ. Но это не спасло его.

Японецъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ взять его на передній поясъ, — турокъ инстинктивно протянулъ впередъ руки. Мацуту воспользовался этимъ.

Напрасно испуганный, побагровѣвшій Османъ пытался вырвать свою руку изъ цѣпкихъ желѣзныхъ пальцевъ противника. Вытянувшись впередъ всѣмъ тѣломъ, загадочно улыбаясь косыми глазами, японецъ сжималъ ее все крѣпче и крѣпче. Османъ топтался, прыгалъ, свирѣпѣя отъ боли, смѣшной и жалкій. Онъ вызывалъ хохотъ, а японцу рукоплескали. Поджарая собаченка, торжествующая надъ бегемотомъ.

Мацуту поощряли:

Ай-да японка! Клади скорѣй эту свиную тушу!

Наконецъ, желтый скелетъ самъ отпустилъ турка и ловкимъ толчкомъ перевелъ его въ партеръ. Османъ, еще

болѣе жалкій и безпомощный, пресмыкался подъ Мацутой. Съ краснаго бабьяго лица турка струился потъ.

Стоя на раздвинутыхъ, какъ спички, тоненькихъ ножкахъ, японецъ покачивалъ головой. Въ самомъ дѣлѣ, ну, какъ онъ перевернетъ десятипудовую глыбу? Но все-таки перевернулъ, обманувъ Османа и заставивъ его приподняться.

Это была дорогая побѣда.

Османъ отличался громадной силой и, въ свою очередь, другіе борцы прятали отъ него руки такъ же, какъ онъ пряталъ свои отъ японца. Недаромъ же называли Османа *le terrible turc*.

Вышла послѣдняя пара: трехъ-аршинный гигантъ Сидоровъ и Тампіо, казавшійся рядомъ десятилѣтнимъ мальчишкой. На Тампіо было уже другое трико, блѣдно-розовое.

Военный оркестръ игралъ заунывный вальсъ.

Не успѣлъ новгородскій великанъ опомниться, какъ разбѣжавшійся Тампіо ударилъ его головой въ животъ, словно поднимая на рога.

Длинная фигура Сидорова мелькнула въ воздухѣ и онъ упалъ на спину. Барахтаясь, онъ пытался, но Тампіо наступилъ ему на грудь ногою и замеръ въ эффектной позѣ гладиатора.

Гусевъ объявилъ, какъ всегда, зычно и громко:

— Тампіо побѣдилъ Сидорова въ шестнадцать секундъ...

ГЛАВА II.

Тампіо проснулся.

Лицо усталое, блѣдное. Сейчасъ онъ былъ очень далеко отъ румянаго Тампіо, который улыбался на висѣвшемъ у кассы плакатѣ.

Массажистъ Гавриловъ ждалъ въ софдней комнатѣ его пробужденія. Каждый разъ Тампіо велѣлъ приходить въ двѣнадцать и каждый разъ этотъ унылый человекъ съ большимъ носомъ и маленькими глазками терпѣливо ждалъ до часу, а то и до половины второго.

Тампіо говорилъ:

— Веди какую угодно жизнь, только нужно много спать и все будетъ хорошо.

Раньше четырехъ-пяти борецъ никогда не ложился. До двухъ затягивалась борьба, а тамъ ужинъ съ женщинами, которыя писали ему записочки и сходили съ ума отъ его фигуры.

При Тампіо, въ видѣ секретаря и адъютанта, состоялъ маленькій, худенькій съ бритымъ личикомъ эстонецъ. И Тампіо и всѣ окружающіе звали его докторомъ, хотя онъ былъ только фельдшеръ. Докторъ носилъ длинный въ обтяжку сюртукъ и, ловкій, вертлявый, онъ напоминалъ актерика изъ Берлинскаго Винтергартена.

Онъ завѣдывалъ безчисленными трико, жетонами, медалями, а также любовными дѣлами своего патрона.

Тампіо полушутя жаловался надоктора:

— Ему нельзя довѣрять, проше пана.

Тутъ ко мнѣ каждый день лѣзутъ разныя бабы знакомиться. Что, развѣ я могу всѣхъ принимать? Когда же бороться?

Такъ я говорилъ доктору:

— Ты идешь, — смотришь.

Если красивая, то я знакомлюсь, а если нѣтъ, то можешь ее взять себѣ. Но докторъ — прохвость, дѣлалъ другой разъ такъ, — говорилъ не красивая, а на самомъ дѣлѣ красивая и бралъ себѣ.

Теперь я ему не вѣрю.

У доктора была еще одна обязанность.

Тампіо, демонстрируя свою силу, поднималъ его на мизинцѣ.

— Гаврикевичъ! — позвалъ борецъ.

Массажистъ медленно вошелъ въ спальню, поклонился, медленно вымылъ руки и медленно смѣнилъ пиджакъ длиннымъ бѣлымъ балахономъ.

Тампіо снялъ ночную шелковую рубашку. Мускулы его рукъ, груди, живота, пришли въ движеніе и какъ змѣи зашевелились подъ кожей. Массировать его было легко. Извиваясь, онъ самъ подставлялъ каждый мускулъ упругимъ пальцамъ Гаврилова. Черезъ всю грудь тянулся глубокой шрамъ. Онъ не портилъ впечатлѣнія, наоборотъ сообщалъ какую-то интересность, этотъ отзвукъ далекой и страшной схватки.

Гавриловъ массировалъ борца второй мѣсяцъ, но только сегодня отважился его спросить.

— Откуда у васъ этотъ шрамъ, господинъ Тампіо.

— А, проше пана, черезъ одного турка. Въ Парижѣ боролись мы съ Кара-Ахметомъ. Какъ я его взялъ на задній поясъ, а у него была желѣзная пряжка. Сколько я крови тогда потерялъ.

— Положили турка?

— Разумѣется, какъ матрацъ лежалъ. Противъ него никто не могъ выстоять, а я его въ десять минутъ съ секундами положилъ. Сейчасъ же послѣ перерыва.

Гавриловъ съ неподвижнымъ лицомъ растиралъ Тампіо и думалъ:

— Уходили сивку крутя горки. Поизносился ты, братъ, поистрепался.

И какъ-бы продолжая вслухъ:

— А я вчера любовался этимъ Гассаномъ. Вотъ эластичная мускулатура!

— А какъ я его бросилъ! И никто не знаетъ на какомъ приѣмъ! Мнѣ бы съ нимъ работы на четверть часа, а только я затынулъ для публики.

Массажистъ промолчалъ. Въ душѣ онъ невѣрилъ, считая африканца сильнѣе.

Въ дверь глянула бритая мордочка доктора.

— Мацуто пришелъ,—сказалъ онъ по нѣмецки.

— Пусть подождетъ.

Директоръ сада считалъ Тампио самымъ умнымъ борцомъ, понимающимъ психологию публики. Иногда въ интересахъ дѣла онъ обращался къ Тампио, чтобы тотъ, распредѣляя пары, самъ предрѣшалъ эффектные финалы тѣхъ или другихъ схватокъ.

Массажъ кончился. Тампио черезъ доктора позвалъ Мацуто. Японецъ—подъ скромной пиджачной парой не чувствовалась его стальная мускулатура—казался мизернымъ, невзрачнымъ—дунь, онъ и свалится! Опустивъ голову и глядя на Тампио узкими глазами, которые видѣли то, чего никто не видѣлъ, Мацуто ждалъ распоряженій.

Завтра у тебя рѣшительная схватка съ Османъ-Мамедомъ.

Послѣ сорока, такъ на сорокъ пятой-шестой минутѣ, ты его кладешь „двойнымъ нельсономъ“. Это будетъ большой сюксе, если такая спичка положить двойнымъ нельсономъ такого толстаго мужика.

У Тампио была манера умышленно искажать имена и фамилии. Въмѣсто Мацуто—онъ говорилъ Мацу-Яма. Гаври-

лова называлъ Гаврикевичемъ. И когда докторъ извѣстилъ прибытіе студента Гусева, Тампио воскликнулъ:

— А Гусъ Кантини!

Приземистый Гусевъ съ браслетомъ на рукѣ и круглымъ открытымъ лицомъ обладалъ силой, которую трудно было въ немъ предположить. Однажды разгоряченные борцы забылись—еще мигъ и оба, крѣпко обнявшись полетѣли бы въ оркестръ, но будто вросшій въ землю Гусевъ, схватилъ обоихъ и удержалъ на мѣстѣ. Публика рукоплескала ему и студентъ своимъ обычнымъ жестомъ приподнималъ фуражку.

Каждый день онъ приходилъ къ Тампио. Въмѣстѣ, запершись съ бумагой и карандашами составляли они пары ближайшихъ дней.

— Тампио, ты читалъ «Столичные Отблески»—озабоченно спросилъ Гусевъ.

— Нѣтъ. А что?

— Нехорошо, братъ. Появилась замѣтка. Сомнѣваются въ твоёмъ превосходствѣ надъ Гассаномъ. Пишутъ, что онъ можетъ тебя положить, когда захочетъ.

Блѣдный Тампио сталъ пунсовымъ.

— Гассанъ? Меня? Я пишу опроверженіе!

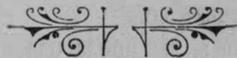
— Сиди, дуракъ, сиди, не кипятись!

Тутъ не опроверженіе, а дѣло нужно. Назначимъ въ присутствіи желающихъ и прессы испытаніе твоей силы.

— О, это хорошо! Я имъ покажу! Ты—мужикъ съ головой, Гусъ-кантини!

Вошелъ докторъ съ ликующей гримасой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Артистка Императорскаго Балета
Ольга Осиповна Преображенская

ЖЕНСКІЕ СИЛУЭТЫ

В. УМАНОВА-КАПЛУНОВСКАГО.

I.

Вотъ здѣсь она была со мною рядомъ,
Блондинка свѣтлая съ прозрачно-синимъ
взглядомъ,

Съ хрустальной нѣжностью ланитъ!
Въ ней утро тихое какъ будто вопло-
щалось,

Играло на губахъ улыбкой и, казалось,
Сейчасъ меня лучомъ, какъ счастье, емъ,
осѣнить.

Но скрытые лучи не приходили...
И счастья не было... былъ сонъ...
Была мечта... Мы не любили
И насъ не согрѣвалъ спокойный небо-
склонъ.

II.

Тянулись дни... Подруга новой доли,
Съ волной каштановыхъ кудрей,
Свободное дитя, не знавшее неволи,
Тебѣ я открывалъ тоску души моей.
Какъ свѣтъ полуденный, глаза твои
сіяли,

Алѣлъ румянецъ на щекахъ...
Холодная къ людской печали,
На пламя мотылькомъ летѣла ты въ
лучахъ,
И крылья обожгла, но, умирая,

Глядѣла, какъ всегда, шутя...

— «Я жить хочу!»—рѣсницы опуская,
Шептала женщина-дитя.

III.

Въ вечерній душный часъ, когда огни
заката

Еще горѣли, словно кровь,
Ты подошла ко мнѣ и—не было воз-
врата...

Въ тотъ мигъ наполнила весь миръ твоя
любовь.

Твои глаза, какъ звѣзды ночи,
Свѣтили мнѣ.

Съ тобою долгій день казался мнѣ ко-
роче,

Пылала ночь въ огнѣ.
Въ двѣ черныя змѣи ты волосы свивала,
И каждая змѣя вливала въ сердце ядъ.
Не знаю, рай земной ты обращала въ
адъ

Иль, можетъ, самый адъ ты къ раю при-
ближала.

IV.

Вся, какъ изъ золота, четвертая при-
шла,
И золотистый лучъ манилъ меня къ
простору;

Предъ нимъ бѣжала мгла...

«Впередъ»!.. Я поднимался въ гору.
«Excelsior»—я слышалъ надъ собой,
И я былъ радъ призыву, какъ привѣту...
И въ длинный путь, рука съ рукой,
Мы двинулись къ блеснувшему раз-
свѣту.

V.

Я помню добрый взоръ и мягкія черты...
На лбу, какъ серебро, сѣдая прядь бѣ-
лѣла...

Ты ясной тѣнью отлетѣла
Давно, давно изъ міра суеты.
Когда въ тиши ночной откроются рѣс-
ницы

И звѣзды яркія сверкнутъ моимъ гла-
замъ,—
Воспоминанія, какъ лѣтнія зарницы,
Прорѣзываютъ мозгъ, мѣшая робкимъ
снамъ.

И вижу я тебя, святая,
Мать сердца и души, хоть не родная
мать...

И, въ краткій мигъ опять всю жизнь
переживая,
Хочу я, какъ и ты, бороться и страдать.

1907 г.

„Театръ отецъ, театр—мнѣ мать“.

Воспоминанія за 50 лѣтъ артиста А. З. Бураковского.

(Продолженіе).

Мы воспрянули духомъ, поблагодарили его, и наши страданія окончились. Въ Екатеринославъ прибыли 5 іюня 1867 года. Хозяинъ театра былъ тамъ еврей Луцкій—преоригинальный субъектъ.

Скопилъ я за лѣтній сезонъ себѣ рублей 50, по окончаніи службы задумалъ поѣхать въ Петербургъ. Одѣлъ на себя единственный черкесскій костюмъ, сохранившійся отъ ликвидаціи въ дни нужды и горя. Въ бѣлой папахѣ и черкесскомъ костюмѣ съ небольшимъ узелкомъ, въ которомъ было нѣсколько перемѣнъ бѣлья, и съ даровымъ билетомъ, даннымъ мнѣ пріятелемъ, важно пришелъ на пристань, и гордо вошелъ на палубу парохода. День былъ великолѣпный, былъ августъ свѣтлый и не жаркій. На палубѣ много было интересныхъ дамъ. Я въ своей бѣлой папахѣ побѣдоносно расхаживалъ по палубѣ, и приглядывалъ себѣ одну изъ дамъ для флирта. Плыть отъ Екатеринослава до Кіева надо двое сутокъ—ясно, что надо было завести романъ, а поэтому я и всматривался на дамъ, бывшихъ на палубѣ. Капитанъ отдалъ приказаніе дать первый свистокъ.

— Сейчасъ мы отойдемъ въ Кіевъ—скажешь я своему компаньону по путешествію.

— Посмотри-ка на брюнеточку, которая стоитъ около кормы, неправда-ли красивая бабенка?

— Хорошенькая, да вѣдь ужъ очень молода...

— Тѣмъ лучше! Съ такой завести романъ на пароходѣ, это братъ, что называется, одна прелесть.

— Такъ-то такъ..... но не безопасно.

— Почему? Неужели ты въ каждомъ романѣ видишь какую-нибудь грязь? Можно увлекаться, даже можно любить, я вѣдь человекъ совершенно свободный—могу жениться.

— Жениться? Сашка, брось ты чепуху говорить. У тебя въ карманѣ какіе-то сорокъ рублей завелись—тебѣ надо на эти деньги до Питера добраться—а ты вдругъ о женитьбѣ заговорилъ! Пустельга!

— Ладно, ладно, ты вотъ лучше отойди не много всторону, а то мнѣ ее не видно... заслоняешь... а я замѣчаю, что она глазами «стрѣлять» начинаешь. О, я чувствую, что у меня

дѣло выгорить. Уходи, уходи... сейчасъ займемся глазной перестрѣлкой.

Л—ъ отошелъ. Послышался третій свистокъ—начали снимать трапъ. Пароходъ тихо отшвартовывался отъ пристани, а я смотря на красивую изящную незнакомку, брюнеточку, думалъ:

— Какъ-же мнѣ приступить къ ухаживанію за ней? Что предпринять? Какимъ образомъ свести съ ней знакомство?

Это единственно меня и занимало. Пароходъ плавно шелъ по зеркальному Днѣпру. Стоя у борта парохода, я опустил голову и смотрѣлъ въ воду; не вдалекѣ отъ меня—почти въ такой-же позѣ—стояла и моя незнакомка: вѣтеръ игралъ ея волосами, и сдувалъ съ плечъ бѣлый шарфъ. Наконецъ, она выпрямилась—пошла по палубѣ. Я тотчасъ за ней—рѣшилъ во что-бы то не стало познакомиться. Она шла впереди меня ровнымъ спокойнымъ шагомъ,—я слѣдовалъ за ней такимъ-же образомъ; мы кружились по палубѣ, замедляя и ускоряя шаги. Вдругъ изъ ея прически выпадаетъ шпилька. Я моментально поднялъ, почтительно преподнесъ ей на ладони, сказавъ:

— Сударыня! Вы потеряли шпильку,—позвольте вамъ вручить ее.

Она оглянулась и поблагодарила, взяла шпильку изъ моихъ рукъ, пошла еще быстрѣе; я не отставалъ отъ нея и продолжалъ разговоръ:

— Вы далеко ѣдете?

Она посмотрѣла недоувѣрчиво на меня и отвѣтила какъ-то неохотно.

— Я ѣду въ Петербургъ учиться стенографіи.

— Скажите,—какъ пріятно,—я тоже ѣду въ Петербургъ. А погода-то какая чудная? продолжалъ я. Пріятно прокатиться по Днѣпру въ такую дивную погоду...

— Да, пріятно.

Тутъ мы уже разговорились—какъ надо. Стало вечерѣть, моя незнакомка отправилась въ каюту—и черезъ 5 минутъ возвратилась обратно. Я замѣтилъ, что она надѣла теплую накидку; тутъ я сразу сообразилъ, что мы всю ночь можемъ съ нею бесѣдовать. На темномъ небѣ показалась луна; мы сидѣли на палубѣ, волны играли легкой зыбью.

Въ каютѣ-компаніи или, иначе говоря, на

рубкѣ I класса слышалось пѣніе, тамъ собралась компанія молодежи, студентовъ и пѣли они хоромъ какую-то русскую пѣсню.

До сихъ поръ у меня остался въ памяти этотъ вечеръ. Какъ онъ былъ хорошъ! На душѣ было столько радости, счастья; этотъ флиртъ—въ такой обстановкѣ—никогда не можетъ быть мной забытымъ. Мы долго и нѣжно говорили другъ съ другомъ, любовно жали руки, украдкой—тихонько, чтобы никто не замѣтилъ, я горячо цѣловалъ ее, она сопротивлялась, но такъ, что я сразу понялъ, что мнѣ надо было дѣлать. На палубѣ становилось все темнѣе, темнѣе—пассажировъ не было видно никого—пѣніе въ рубкѣ привлекло всехъ туда, а мы, слушая пѣніе и любуясь природой, жадно упивались случайной нашей любовью и встрѣчей.

Наконецъ я достигъ того, о чемъ мечталъ. Стало свѣтать, на горизонтѣ показалось солнце, былъ видѣнъ г. Кременчугъ.

А. З. Бураковский.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Привѣтствую тебя, лазоревое море,
Ты подарило мнѣ утеранный покой,
Ты скрыло отъ меня съ землей земное горе,
Не отвергай меня: я до могилы твой!
Въ блестящихъ городахъ не находилъ я счастья,
Никто мнѣ не открылъ затворенныхъ дверей,
Продрогшій проходилъ въ осеннее ненастье
И въ стужу зимнюю я у домовъ людей.
Въ нихъ было такъ свѣтло—въ печахъ
огни горѣли
Горячія блюда дымились на столахъ...
Я слышалъ голоса... Я слышалъ пѣсни
пѣли,
Я лица замѣчалъ съ улыбкой на устахъ.
И снова шелъ впередъ... полями и лѣсами,
Такъ къ морю синему я вышелъ наконецъ.
На утломъ кораблѣ сердечными пловцами
Я принять былъ, какъ братъ, невѣдомый
пришлецъ,
Въ ихъ маленькой семьѣ забылъ бывшее горе,
Навѣки я сказалъ, «прости» землѣ родной.
Не отвергай меня—я до могилы твой!
Ницца. Леонидъ Татищевъ.

Театръ и жизнь.

I.

Каковъ театръ, такова и жизнь.

Театръ идетъ вмѣстѣ съ жизнью. Онъ не отстаеетъ отъ нея, а иногда даже опережаетъ.

Театръ является прекраснымъ показателемъ и общественныхъ вкусовъ и настроеній, и показателемъ даже роста переживаемаго періода.

Удовлетворяетъ ли насъ современный театръ?..

Далеко нѣтъ. Настолько нѣтъ, что мы собираемся погрузиться въ дебри сѣдой старины и воскресить старинныя комедійныя дѣйства не только въ обстановкѣ той эпохи, но даже въ воспроизведеніи всѣхъ деталей и особенностей сцены того періода.

Намъ все пріѣлось, надоѣло... Мы не знаемъ, чего хотимъ. Мы надѣмся, что старое, прошлое воспроизведенное во всемъ реализмѣ, оживитъ насъ, дастъ намъ пищу, укажетъ намъ смыслъ жизни.

Одни возвращаются назадъ и въ прошломъ ищутъ удовлетворенія. А другіе хотятъ создать собственными усилиями нѣчто новое, неизвѣданное... Да ужъ такое новое, которое бы ничѣмъ не напоминало ни старыхъ, ни современныхъ, обычныхъ формъ мысли жизни.

Вслѣдъ за «Жизнью человѣка» Леонида Андреева выступилъ А. Ремизовъ со своимъ «представленіемъ для публики», подъ названіемъ «Бѣсовское дѣйство надъ нѣкимъ мужемъ», а также преніе живота со смертію». Мѣсто дѣйствія: у пещеры и въ аду. Дѣйствующія лица («персоны»): Животъ, нѣкій мужъ закопавшійся въ пещерѣ (онъ-же оруженосецъ живота), смерть, демоны, свѣтлый духъ, духъ смерти, грѣшная дѣва, маски (Туръ, Медвѣдъ, Кобылка, Волкъ), ряженые бѣсы, чудаки и т. п.

Ужъ одно названіе и перечень «персонъ» ясно показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ сверхъ-пьесой, со «стильной» пьесой.

II.

Декаденство и символизмъ существуютъ въ живописи, въ поэзіи, въ беллетристикѣ, въ ли-

тературѣ вообще. Если возможны декаденты-поэты и писатели, то почему не быть декадентами драматическимъ писателямъ?! А разъ драматическій писатель напишетъ «стильную» пьесу, то почему же не поставить ее на сценѣ?.. Все это такъ естественно. А. Ремизовъ написалъ свое «Бѣсовское дѣйство надъ нѣкимъ мужемъ», В. Ф. Коммиссаржевская поставила сіе «представленіе» въ своемъ драматическомъ театрѣ, а публика оказала пьесѣ тотъ пріемъ, который она вполне заслужила...

Авторъ «Бѣсовскаго дѣйства» хотѣлъ удивить міръ пьесой новаго стиля, а г-жа Коммиссаржевская задумала прославить ея подмостки своего театра. Всѣ эти расчеты разбились при соприкосновеніи съ неприхотливой дѣйствительностью. Зритель увидѣлъ такое «дѣйство», которымъ при желаніи онъ могъ вдоволь насладиться въ балаганчикахъ. Правда, балагановъ нужно было ждать до масляницы. Г-жа же Коммиссаржевская предупредительно дала балаганное представленіе въ декабрѣ. Это очень любезно съ ея стороны. Мы увидѣли на сценѣ чертей, вертящихъ своими хвостами, бѣгающихъ и кружащихся. Видѣли лысое поле у нещеры и послѣдніе дни масляницы съ претензіей изобразить всеобщую оргію, погоню за женщинами, переходящую въ свалку и сопровождающуюся убійствами. Видѣли всякія «дѣйства» во вкусѣ Малафѣевскихъ балагановъ...

Этимъ ли хотѣлъ удивить публику Алексѣй Ремизовъ?! Къ этому ли стремился писатель-декадентъ и символистъ?! Онъ хотѣлъ дать намъ стильную вещь, а изготовилъ Малафѣевщину! Какая иронія судьбы!.. Какая насмѣшка!.. Правда жизни постояла за себя. Театръ есть отраженіе, художественное изображеніе жизни. Но чего нѣтъ и не можетъ быть въ жизни, то не укладывается и на театральныхъ подмосткахъ. Всѣ эти Жизни, Животы, Смерти, оруженосцы Живота, Демоны, Свѣтлые духи, Маски, Туряцы и подобныя имъ дѣйствующія «лица» превращаютъ серьезный театръ въ балаганъ и вызываютъ въ зрителѣ досаду и отвращеніе.

Но, все таки, и театръ долженъ былъ отдать дань декаденщинѣ. Погоня за символистикой и уродливой новизной въ поэзіи, литературѣ, жи-

вописи должна была отразиться и на театрѣ. И театръ сталъ увлекаться «стилемъ» въ ущербъ жизненной правдѣ. Когда это увлеченіе достигло послѣднихъ предѣловъ, тогда оно уже вылилось въ какія-то балаганныя дѣйства и создало «Бѣсовское дѣйство надъ нѣкимъ мужемъ». Дальше идти некуда. Жизнь не прощаетъ грубыхъ извращеній своей правды. «Стильные» пьесы встрѣчаются публикой съ отвращеніемъ. Театръ поставившій своей цѣлью служить «стильному» драматическому «искусству», осужденъ на прозябаніе и вымираніе. Драматическій театръ Коммиссаржевской далеко не можетъ похвалиться количествомъ посѣтителей: зрительный залъ здѣсь пустуетъ во время „стильных“ представлений...

III.

Не всегда, впрочемъ, переполненный зрительный залъ служитъ доказательствомъ высокаго достоинства театральной пьесы. Да мы въ данномъ случаѣ разсматриваемъ пьесы не съ точки зрѣнія ихъ художественной цѣнности, а лишь съ точки зрѣнія ихъ близости къ жизни. «Стильные» пьесы совсѣмъ уклонились отъ жизни, и зритель ими не интересуется.

Высокохудожественныя произведенія будутъ привлекать вниманіе общества, не зависимо отъ ихъ злободневности. Не злобъ дня ищетъ въ нихъ зритель, а отвѣта на вѣчные запросы человечества, отвѣта на старыя, но не старѣющія злобы человечества всѣхъ временъ и народовъ. Великія произведенія древнихъ грековъ и драмы Шекспира вѣчно юны. Островскій и Гоголь еще долго и долго будутъ украшать театральныя репертуары.

Рѣчь идетъ не объ этихъ титанахъ и гигантахъ драматическаго творчества.

Мы говоримъ о самыхъ скромныхъ авторахъ. Особыми художественными достоинствами произведенія ихъ не отличаются, а нѣкоторыя даже съ трудомъ можно причислить къ литературнымъ произведеніямъ.

Скроилъ человѣкъ пьесу. Имѣетъ она видъ драматическаго произведенія: раздѣлена на акты, дѣйствія и картины, персонажи говорятъ, дѣй-

ствують, ходять, смѣются, плачутъ, совершаютъ преступленія или благодѣтельствуютъ...

Словомъ, все построено съ вѣдшей стороны—какъ въ драматическихъ произведеніяхъ. Но истиннаго творчества вы не ищите въ нихъ: художественныхъ достоинствъ здѣсь нѣтъ никакихъ. А между тѣмъ пьеса имѣетъ успѣхъ и является подчасъ чуть ли не «гвоздемъ» сезона.

Весь секретъ заключается въ простой злободневности. Схватить авторъ быка за рога, уловить то, чѣмъ въ данный моментъ интересуется публика, облечь все въ театральную форму; и пьеса готова, и успѣхъ обезпеченъ. Такъ сдѣлалась гвоздемъ сезона и пьеса В. Протопопова «Черные вороны». Предъявлять къ ней какія-либо художественныя требованія не приходится. Это вѣдь не драматическое произ-

веденіе, а лишь сценическое воспроизведеніе эксплуататорской дѣятельности секты іоаннитовъ. Іоаннитами общество теперь заинтересовалось. Заинтересовалось оно и «Черными воронами» г. Протопопова, какъ когда-то посѣщало и первую пьесу того же автора «Рабыни веселья». Прошло время. «Рабыни Веселья» сошли со сцены, о нихъ забыли. Проидетъ время. Та же участь постигнетъ и «Черныхъ вороновъ». А пока они давали полные сборы и въ Петербургѣ и въ провинціи. Въ провинціи изъ за нихъ происходитъ даже борьба, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ власти, вслѣдствіе пропсковъ такъ называемаго, союза русскаго народа, запрещаютъ постановку іоаннитской пьесы г. Протопопова. Авторъ отъ этого только выигрываетъ: желаніе посмотреть на пьесу еще больше растетъ. Жизнь выдвинула

іоаннитовъ и пьеса, воспроизводящая ихъ дѣятельность, пользуется успѣхомъ. Перестанутъ интересоваться этими сектантами. Умрутъ для сцены естественной смертію и «Черные Вороны».

Или почему имѣютъ успѣхъ въ Маломъ театрѣ «Порядочные люди» нѣкоего г. Острожскаго?.. И повѣдомый авторъ, и современно-бездарное изображеніе жизни «бомонда». Молодая вдовушка княгиня Можайская «прозравается»: она видитъ наконецъ близкихъ ей людей (изъ бомонда) въ настоящемъ, а не въ мишурномъ свѣтѣ. Ея пасынокъ, князь Бобъ Можайскій, выгоняетъ ее изъ дому, въ угоду баронессѣ Лембрихъ, на дочери которой мечтаетъ ради денегъ, жениться. Княгиню бросаетъ ея любовникъ Каринъ, и Можайская бѣжитъ къ драматургу Ломжину. Дѣло закончится, безъ сомнѣнія, ихъ бракомъ. Авторъ хотѣлъ написать сатиру на бомондъ, жизнь и нравы котораго онъ хорошо знаетъ. Но охота смертная, да участь горькая. У автора не хватило самаго главнаго: таланта. И сатира не удалась. Но пьесу, все таки, смотрятъ, Малый театръ посѣщаютъ... Почему? Авторъ знаетъ жизнь бомонда и даетъ возможность своимъ знакомымъ увидѣть имъ самихъ съ театральными подмостковъ. Въ Малый театръ потянулся посмотреть на себя сначала бомондъ, а потомъ пошли взглянуть и другіе классы общества. Посмотрятъ—посмотрятъ да и забудутъ «Порядочныхъ людей» и пьеса г. Острожскаго также умретъ для сцены естественной смертію. Жизнь «Порядочныхъ людей» кратковременна. Но все-таки мѣсяць-другой они проживутъ, такъ какъ пьеса изображаетъ дѣйствительныхъ людей, дѣйствительную жизнь извѣстнаго круга людей.

IV.

Какова жизнь, таковъ и театръ. Высокохудожественныхъ или по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе талантливыхъ новинокъ настоящій сезонъ намъ не далъ и не дастъ. Все, что теперь увидѣло или увидитъ свѣтъ лампы, промелькнетъ, какъ метеоръ, и погаснетъ.

Теперь не время не только для титановъ и гигантовъ, но даже для просто даровитыхъ людей. Политическія событія изнурили общество. Оно не можетъ выдвинуть изъ своей среды замѣчательныхъ людей. Ни на одномъ поприщѣ мы не видимъ гениовъ и талантовъ. Нѣтъ ихъ и въ драматическомъ искусствѣ, пѣтъ ихъ и въ театрѣ.

Слишкомъ большое напряженіе мы пережили. Устали. Нужна передышка. Лишь послѣ отдыха выдвинутся таланты. Пока все замерло. Зимній сонъ... На долго-ли только?.. Спѣжный саванъ покрылъ нашу жизнь. Такъ было вездѣ въ подобные политическіе моменты. Эта участь выпала и на нашу долю.

Придетъ время и мы воспрянемъ духомъ. Оживится жизнь. Воскреснетъ застывшее творчество.

Нео-театраль.

АЙСЕДОРА ДУНКАНЪ.

Театральное эхо.

Михайловскій театръ.

Можно только съ горечью воскликнуть: до чего дошли французы! Водевиль «M-me l'Ordonnance» настолько нелѣпо, отвратительно написанная пьеса, что право, изъ курьеза можно остановиться на ея содержаніи. Молодожены уѣзжаютъ послѣ свадьбы, оставивъ своего деньщика служить во время отсутствія ихъ, у belle-mère. Та не находитъ ничего лучшаго, какъ влюбиться въ деньщика и выйти за него замужъ, только потому, что онъ напоминаетъ ей торреадора, а она поклонница оныхъ, какъ истая испанка. Молодые возвращаются; въ это время полковникъ эскадрона, гдѣ служитъ beau-fils знаменитой дамы, желаетъ въ свою очередь предложить руку и сердце пожилой, но еще соблазнительной вдовѣ, онъ побѣждаетъ ея сердце, убивъ корову, сорвавшуюся съ цѣпи, между тѣмъ, какъ деньщикъ, переодѣтый торреадоромъ и съ бритыми усами, отъ страха вскакиваетъ на столъ. Открывъ его обманъ, полковникъ ставитъ ему условіемъ не отдавать его подъ судъ, разводъ. Деньщикъ въ восторгѣ, ему больше по душѣ горничная его жены, а она падаетъ въ объятія полковника. Можно ли додуматься до подобной нелѣпости! И можно ли ставить подобную гадость на считающейся образцовой сценѣ. Грубый балаганъ, безъ смысла, безъ остроумія. Г-жа Алень и танцевала и прыгала и цѣловалась, и все таки было смертельно скучно. Манжель страшно вращалъ глазами, кипятился; вышелъ не полковникъ, а какая-то карикатура на родъ человѣческой. Деньщикъ Нюмель игралъ, какъ бы недоумѣвая, къ чему все это? Г-жа Вернаръ была очень интересна въ бретонскомъ костюмѣ. Г-жа Готье, игравшая дочь не въ мѣру пылкой испанки, съ присутствіемъ ей изящствомъ въ движеніяхъ и туалетахъ чувствовала себя совсѣмъ не на мѣстѣ. Можно только изъ любезности къ бенефицианткѣ

г-жѣ Алень согласиться играть подобную роль. Объ остальныхъ нечего и говорить. Въ общемъ впечатлѣніе грустное. Неужели такъ пало искусство писать водевили, гдѣ, какъ напр., «La dame de MeJ Matin» все блестяще устроуиомъ и веселостью. А что же мы видимъ въ «M-me l'Ordonnance» — пошлость, сало и грубость.

Голосъ изъ публики.

Театръ В. Ф. Комиссаржевской.

«Бѣсовское дѣйство надъ нѣкимъ мужемъ, а также преніе Живота со Смертію» представ. для публики въ 3 д. съ прологомъ и эпилогомъ, Алексѣя Ремизова.

Если-бы, при открытіи Комиссаржевской собственнаго театра, ктонибудь заикнулся о томъ, что настанетъ время, когда талантливѣйшая русская актриса въ этомъ своемъ, столь радостно привѣтствуемъ публикой, театрѣ, опозоритъ и унижитъ родное искусство, едва-ли нашелся, хоть, одинъ человѣкъ, не возмущившійся бы подобнымъ предположеніемъ. Между тѣмъ теперь это совершившійся фактъ—Комиссаржевская опозорила русское искусство. Вы мнѣ не вѣрите, конечно?! Но пойдите посмотрѣть «Бѣсовское дѣйство» А. Ремизова и вы, несомнѣнно согласитесь со мной. Бываютъ плохія пьесы и бездарные авторы, но никогда, нигдѣ я не встрѣчалъ подобнаго глумленія надъ искусствомъ, какъ у г. Ремизова въ его новой пьесѣ. Ни одинъ мало-мальски серьезный театръ не рискнулъ бы поставить такую балаганную пьесу, а г-жа Комиссаржевская храбро на это рѣшилась... «Смѣлость—города беретъ» думали, вѣроятно г. Ремизовъ и г-жа Комиссаржевская, но, къ счастью для искусства, блистательно... ошиблись. На первомъ-же представленіи, не смотря на полный театръ и на

клаку, пьеса провалилась—свистками и шиками; на слѣдующихъ же спектакляхъ театръ былъ не полонъ, а послѣдній разъ—8-го декабря совсѣмъ пустъ, но это, все таки, не помѣшало пьесѣ имѣть обычный успѣхъ, выразившійся въ свистѣ и шиканьѣ автору. Впрочемъ, по моему, надо было свистѣть не одному г. Ремизову, но и г-жѣ Комиссаржевской, осмѣлившейся поставить въ «своемъ театрѣ» такое антихудожественное произведеніе. Спрашивается, для чего г-жа Комиссаржевская съ такимъ трескомъ изгнала г. Мейерхольда, (поступокъ противный всякой этикѣ), и громко-гласно объявила о своемъ «прозрѣніи»? Худшаго балагана, чѣмъ «Бѣсовское дѣйство» и при Мейерхольдѣ не было поставлено, да и не могло быть, ибо г. Ремизовъ побилъ всѣ рекорды; но что можно было простить одному за его режиссерскую тупость и бездарность, того нельзя простить одной изъ лучшихъ русскихъ актрицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умной, интеллигентной, образованной женщинѣ.

Содержаніе «Бѣсовскаго дѣйства» было бы очень трудно разсказать, не напиши авторъ «краткое изложеніе для руководства зрителя, по причинамъ могущей возникнуть, независимо отъ автора, неясности»; (привожу печатный заголовокъ приложенія къ программѣ); по моему же мнѣнію да и по мнѣнію, видѣвшей эту пьесу публики, «неясность-то» какъ-разъ и зависитъ только отъ автора, видимо не ясно понимавшаго, что онъ пишетъ.

Что хотѣлъ авторъ сказать своей пьесой, невозможно понять, да, и едва ли самъ авторъ это знаетъ. Что же касается исполненія этой пьесы, то надо отдать справедливость актерамъ «драматическаго театра»—они, вѣрные традиціямъ г. Мейерхольда, старались изобразить совсѣмъ всамодѣльныхъ чертей, какъ ихъ играютъ въ балаганахъ, — ревѣли, визжали,

кричали, скакали, кувыркались, вертѣли хвостами, при чемъ пальму первенства за выразительную мимику хвоста надо отдать г. Зонову—«Тимѣлиху»—что онъ только съ нимъ не продѣлывалъ и, все таки, увы! это не помогло ему нисколько. Роль «Аратыря» на этотъ разъ по болѣзни г. Бравича, (объ этомъ было объявлено со сцены до начала спектакля; падо надѣяться—хорошему артисту стало просто, наконецъ, стыдно ломаться въ этой чертовщинѣ); игралъ г. Орловъ. Роль отъ этого не пострадала ибо, какъ ее не играй—сдѣлать изъ нея ничего нельзя. «Живота» изображалъ г. Нолидовъ совсѣмъ карикатурно, тоже можно сказать о г-жѣ Нарбсковой—«Смерти» и о г. Аркадьевѣ—«Нѣкій мужъ»—оба послѣдніе къ тому же прямо завывали, а не говорили; впрочемъ актеровъ винить нельзя, можно совсѣмъ сбиться съ толку, играя подобныя пьесы. Говорилъ просто, по человѣчески г. Грузинскій—«Привратникъ», да у него и роль болѣе человѣческая. Хорошо сказала свой единственный короткій монологъ «Грѣшная дѣва»—г-жа Русьева; у этой артистки несомнѣнно есть «искра Божія» и она сумѣла ее обнаружить, даже въ такой незначительной роли. Также можно сказать и о г-жѣ Чероковой—«Духъ Смерти» и нельзя сказать о г-жѣ Тукалевской—«Свѣтломъ духѣ», пробормотавшей деревяннымъ голосомъ свои нѣсколько фразъ. «Евстратій»—г. Закушнякъ подвывалъ въ тонъ г. Аркадьеву. Г. Бецкій—«Вѣстникъ» не отставалъ отъ общаго неестественнаго тона; г-жа

Таберіо—«Страпникъ» сказала свои двѣ-три фразы просто и мило.

Декорация, написанная художникомъ Добужинскимъ грубовата; особенно въ прологѣ—верхняя половина, изображающая небо, рѣжетъ глазъ неуклюжими лиловыми, розовыми, зеленоватыми звѣздами, огромнымъ полумѣсяцемъ и кометой съ какимъ ситцевымъ пестрымъ хвостомъ; нижняя часть—адъ не производитъ впечатлѣнія ужаса, а напоминаетъ подземные корридорчики со сводами, освѣщенные краснымъ электричествомъ. Вторая декорация была значительнѣе удачнѣе, а небо, на которомъ обрисовывались купола церкви прямо хорошо. Хороши также и костюмы, только Смерть почему-то была наряжена, (вмѣсто, столь обычнаго въ русскихъ сказкахъ и на лубочныхъ картинахъ, бѣлаго покрывала, укутывающаго всю фигуру и оставляющаго открытымъ только лицо скелета), въ какой-то шутовской нарядѣ, въ трико съ лиловой перевязью на бедрахъ и съ нашитыми темными полосками на трико, видимо изображавшими кости и суставы и не дававшими ни малѣйшей иллюзіи.

Музыка Кузьмина довольно стильна и, пожалуй, лучшее, что есть въ пьесѣ.

Т. Даргомыжскій.

Старинный театръ.

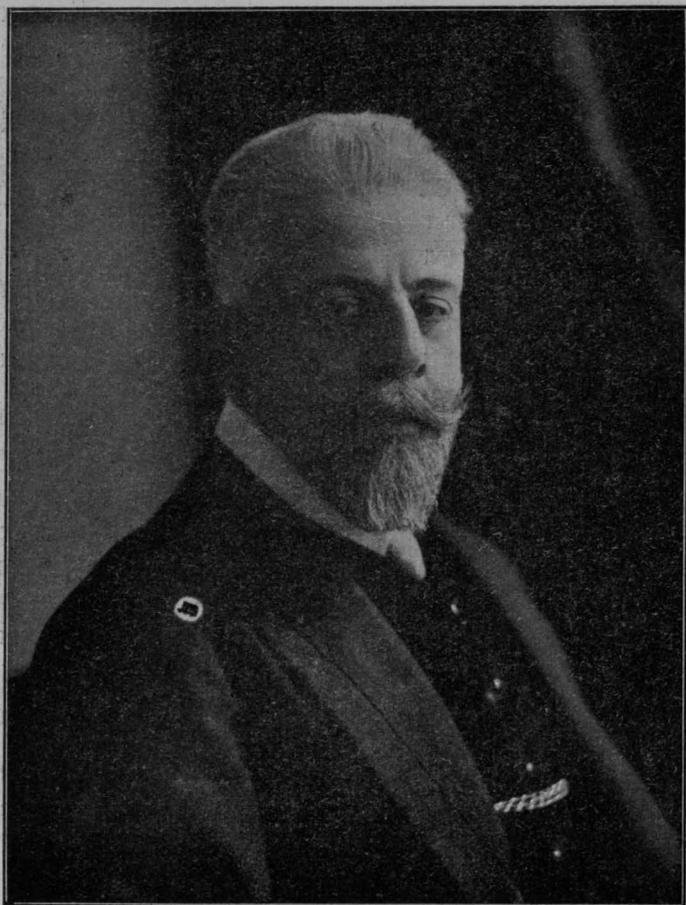
Великъ тотъ художникъ, который сумѣетъ силою своего таланта отрѣшить зрителя отъ его

личности и перенести далеко отъ дѣйствительности въ среду и обстановку, изображенную имъ.

Сдѣлать это удалось режиссеру «Стариннаго театра», А. А. Санину, въ поставленныхъ имъ для первой серіи спектаклей, пьесахъ «Три волхва» и «Дѣйство о Теофиль». Давно не испытывалъ я такого огромнаго наслажденія искусствомъ, такого захватывающаго восторга, такого, почти молитвеннаго, экстаза, какъ во время представленія «Трехъ волхвовъ»... Казалось, передъ зрителями было не искусство, а сама средневѣковая жизнь, трепетавшая всѣми своими нервами.

Очарованіе началось съ перваго момента открытія занавѣса—передъ нами показалось чуть начинавшее свѣтлѣть ночное небо, на фонѣ котораго темной массой обрисовывались готическія башни; на лѣвой сторонѣ сцены возвышался средневѣковой храмъ, а около его паперти, подъ открытымъ небомъ, въ повалку спяты богомольцы всѣхъ возрастовъ и сословій. Но вотъ наступаетъ утро и народъ начинаетъ понемногу просыпаться и переговариваться—все они пришли издалека посмотрѣть «дѣйство о трехъ волхвахъ», которое будетъ исполняться духовенствомъ сегодня на паперти храма и все они встревожены одною мыслью—вдругъ, пойдетъ дождь и «дѣйство» не состоится!—а оно всѣмъ имъ такъ нужно, необходимо именно *теперь*, когда все съ ужасомъ ждутъ приближенія «Черной смерти»—она уже близка и каждый изъ нихъ чувствуетъ себя великимъ грѣшникомъ, жаждущимъ прощенія свыше и очищенія. Толпа настроена фанатически—это сразу чувствуется, а съ началомъ «дѣйства» настроеніе все повышается, когда-же показывается Иродъ, епископъ и прелаты еле въ силахъ удержать народъ отъ рѣзкихъ выраженій по его адресу. Зато появленіе «Свѣтлаго духа», вызываетъ восторгъ, слезы умиленія, рыданія а уходъ его сопровождаютъ истерическіе жепскіе вопли и крики; ребенокъ со звѣздой и волхвы тоже встрѣчаются восторженно, но вотъ заговорилъ Иродъ и толпа моментально какъ-то чутко и злобно вся насторожилась. Иродъ дѣлаетъ жестъ рукой, приказывая отыскать младенца Иисуса и убить его и, вдругъ... народъ, какъ дикій звѣрь, разъяренно бросается на исполнителя роли Ирода—минута и его растерзаютъ, не смотря на вмѣшательство епископа и прелатовъ, но тутъ... падаетъ занавѣсъ—волшебный средневѣковой сонъ кончился и зритель изъ вѣковъ реліознаго фанатизма, мистерій, мистцизма, изъ вѣковъ окутанныхъ нѣжной дымкой романтизма перенесенъ опять въ нашу сѣреную, пошлую, такую скучную и такую печальную дѣйствительность.

Только теперь, когда все кончилось, вы въ состояніи хладнокровно анализировать то, что сейчасъ видѣли и поражаетъ прежде всего: тотъ колоссальный трудъ и любовь къ искусству создателя этой столь захватившей васъ средневѣковой толпы. Передъ вами не было отдѣльных исполнителей, а только одно художественное цѣлое, успѣху котораго содѣйствовали: П. Евреиновъ, прекрасно и выдержано написавшій по рукописи XI вѣка прологъ и картину представленія; Н. К. Рерихъ—нашъ лучшій современный

Балетный критикъ и романистъ
В. Я. Свѣтловъ.

художникъ, по рисункамъ котораго В. Эмме нарисовалъ прѣкрасную декорацію; М. Бурнашевъ стильными и исторически вѣрными костюмами и бутафоріей; Сапъ—подлинная средневѣковая музыка красиво поставленная Сапомъ; всѣ игравшіе актеры и, даже, всѣ статисты. Но «живая душа» этого chef-d'oeuvre искусства, конечно, А. А. Санинъ и надо быть огромнымъ талантомъ, чтобы съумѣть одухотворить невѣдомымъ и чуждымъ ей духомъ цѣлую толпу заурядныхъ актеровъ и статистовъ. Вѣдь, ни у одного изъ нихъ впродолженіе всей пьесы не прорвалось ни одного фальшиваго жеста, ни одного неестественно сказаннаго слова—все было стройно, реально, красиво, сильно и красочно. Какъ безконечно трудно добиться этого въ народныхъ сценахъ, знаетъ и понимаетъ только тотъ, кто хорошо знакомъ съ техникой сценическихъ постановокъ.

Вторая вещь, «Дѣйство о Теофилѣ» мѣраклъ XIII вѣка трувера Рюбсефа въ стихотворномъ переводѣ Александра Блока, тоже интересный памятникъ старины, но такого сильнаго и глубокаго впечатлѣнія, какъ „Три волхва“ не производитъ. И не мудрено—„Три волхва“ мистерія, полна религиозныхъ настроеній, подымающая душу современнаго зрителя высоко надъ землей, и, превращающая театръ въ храмъ, а „Дѣйство о Теофилѣ“ трогательное и наивное по содержанию произведеніе поэта-трувера, пред-

шественника Пиллона. Надо отдать справедливость исполнителямъ—они художественно передали примитивно-наивную игру средневѣковыхъ актеровъ и ихъ, то однотонная, какъ у Теофила, то завывающая, какъ у Салладина и дьявола, декламація, равно какъ окаменѣлыя позы и смѣшныя порой жесты, долженствующіе изображать душевныя эмоціи у дѣйствующихъ лицъ, вызывала зачастую невольную улыбку современнаго зрителя.

Александръ Блокъ перевелъ мѣраклъ красивыми, легкими, звучными стихами; декораціи, расположенныя 3-мя ярусами—наверху—небо, въ серединѣ—земля и внизу—адъ—написанныя В. Эмме по рисункамъ художника Билибина очень хороши, стильны и выдержаны, также какъ и костюмы. Что касается постановки, то А. А. Санинъ и въ той пьесѣ остался на высотѣ принятой имъ на себя трудной художественной задачи; взявшись воскресить передъ современной публикой средневѣковой театръ, онъ сумѣлъ дать полную иллюзію и пьесы, и постановки, и игры актеровъ того времени,—дѣло трудное и неблагодарное!—Истинныхъ цѣнителей и знатоковъ искусства, да еще средневѣковаго, не много, зато всегда найдутся господа вроде г. А. Н. (Смотри статью о „Старинномъ театрѣ“ въ № 446 газеты „Товарищъ“ за 11-е декабря 1907 г.) упрекающихъ актеровъ—въ плохомъ чтеніи стиховъ, режиссера—въ

излишней стилизаціи, не сообразивъ того, что если Мейерхольдовская стилизаціи смѣшна и неумѣстна въ пьесахъ современнаго репертуара, то стилизаціи средневѣковыхъ пьесъ *обязательна* и только благодаря ей можно исторически вѣрно передать театръ средневѣковой эпохи. Смотри мѣраклъ о „Теофилѣ“ мы и должны имѣть передъ глазами „игру-фреску“ и, еслибы г. А. Н. погрузился бы въ болѣе основательное изученіе исторіи средневѣковаго театра, то понялъ-бы, что въ этой области ему не спорить съ А. А. Санинымъ, а многому у него поучиться надо-бы. Затѣмъ интересно-бы знать каковъ по мнѣнію г. А. Н. долженъ быть реализмъ, если игру толпы въ „Трехъ волхвахъ“ онъ находитъ „не реальной, косной и дѣланной“? Въ общемъ-же остается только пожалѣть г. А. Н., на котораго представленіе „Трехъ волховъ“ произвело „мало впечатлѣнія“—бѣдный, въ немъ, видимо, атрофировано всякое чувство прекраснаго и пониманіе истиннаго искусства, а это большое несчастье, особенно для „художественнаго“ критика. Закончу свою статью выраженіемъ глубокой благодарности всѣмъ устроителямъ „Стариннаго театра“, а А. А. Санину—отпу его и основателю—большое русское спасибо.

Т. Д.

НАШЪ АЛЬБОМЪ.

А. Д. КРУПЕНСКОМУ.

Балетъ трепещетъ передъ вами,
Дохнуть боится, замираетъ...
Но васъ—въ томъ виноваты сами—
Изъ балеринъ никто не уважаетъ.

В. Я. СВѢТЛОВУ.

Маститъ, но пылкою душою
Онъ обожаетъ нашъ балетъ,
Съ нимъ связанъ дружбою большокъ;
Знатокъ всѣхъ «разъ»—другого лучше
нѣтъ!

А. А. САНИНУ.

Артистъ, художникъ и поэтъ—
Соединились стройно въ немъ;
Онъ возродилъ театръ прежнихъ лѣтъ,
И оживилъ его божественнымъ огнемъ.

СЦЕНА и ЖИЗНЬ.

Главный режиссеръ „Стариннаго театра“
Александръ Анимовичъ Санинъ.

Малый театр.

«Витязь» пьеса въ 4-хъ актахъ г. Жуковской, написана сценично, смотрится съ интересомъ, но возбуждаетъ много за и противъ. Прежде всего дадимъ содержаніе пьесы въ краткихъ словахъ. У старика, отставнаго генерала, семья, состоящая изъ дочери—вдовы, ея двухъ сыновей, дочери и воспитанницы и племянницы генерала молодой дѣвушки. Генераль, хранитель старыхъ традицій, дочь его пустая женщина, изображающая изъ себя примѣрную мать, но отравляющая всѣмъ существованіе, старшій сынъ, какъ водится, занимается политикой, второй музыкантъ, дочь безличное существо, племянница.... ну, эту даже и не разберешь она чего-то ищетъ, къ чему-то стремится, ничѣмъ не удовлетворяется. Влюбившись въ старшаго внука генерала, она почему-то отказывается выйти за него замужъ,—страдаетъ отъ ненормальнаго своего положенія, а оформивъ по настоянію дѣда свою связь, опять стонетъ и охаетъ, что ее давятъ дѣти. Волѣ жизненно и рельефно очерченъ типъ пѣвицы, жаждущей тихой пристани, семейнаго счастья;—она увлекаетъ втораго сына—музыканта, онъ женится на ней, но ей скоро надоѣдаетъ семейная жизнь безъ славы, безъ успѣха, ее неудержимо тянетъ въ водоворотъ жизни и она бросаетъ все во имя сцены. Последній актъ совершенно не удовлетворителенъ—князь Данила Ахматовъ женившись наконецъ на Оксанѣ и получивъ надъ ней права, которыхъ она не желала признавать раньше, выдѣленный дѣдомъ, рѣшаетъ разрушить старинный домъ для постройки школы. Старый генераль умоляетъ внука оставить его умереть въ родовомъ гнѣздѣ, тотъ гордо отказывается старику, тогда сынъ управляющаго, именующій себя самъ «хамомъ», благосклонно даетъ разрѣшеніе оставить домъ на мѣстѣ, за что князь благодарно жметъ ему руку!—и все это было сдѣлано, чтобы «они» повѣрили!—и поэтому князь рѣшаетъ быть вандаломъ,—ибо бессмысленное, какъ въ данномъ случаѣ разрушеніе иначе и назвать нельзя. Теперь объ исполнителяхъ. Г. Судьбининъ старый генераль, хранитель старыхъ традицій, игралъ хорошо и далъ типъ нынѣ вымирающаго поколѣнія, считающагося съ обрадами и законами. Господинъ Баратовъ (князь Данила Ахматовъ) прекрасно передалъ типъ, намѣченный авторомъ. Проповѣдникъ свободы, онъ однако въ душѣ крѣпостникъ, и требуетъ отъ Оксаны брака, не признавая его для другихъ; когда же она настаиваетъ на томъ, чтобы жить свободно, онъ ни минуты не находитъ покоя. Баричъ не умеръ въ немъ, и онъ страдаетъ отъ ненормальнаго положенія, въ которомъ онъ очутился благодаря прихоти Оксаны. Блюменталь—Тамаринъ (второй братъ) тепло и сердечно провелъ свою роль.—Въ особенности въ третьемъ актѣ, гдѣ онъ убѣждается, что ошибся, и что его жена опять вернулась къ прошлой жизни, что та, которая вдохновила его, создала въ его оперѣ роль морской царевны, ничто иное, какъ самая обыкновенная женщина. Г. Діевскій (Лукашинъ) по гриму и по манерамъ совершенно подходилъ къ изображаемому имъ типу,—ненависть къ барамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зависть къ нимъ,—ярко были отмѣчены

имъ. Г. Чубинскій, комично и весело изобразилъ великовозрастнаго мамонкина сына, а господинъ Шмитгофъ—талантливо роль влюбленнаго въ себя и во всѣхъ женщинъ тенора. Г-жа Музиль - Бороздина — Оксана, нервная игра, красивые переходы отъ кокетства къ страсти, сдержанная, по старой памяти съ дѣдушкой и разнузданная съ другими. Вѣчно чего-то ищущая, вѣчно неудовлетворенная, вотъ что она дала.—Типъ Оксаны сложный и она справилась насколько возможно хорошо со своей ролью. Г-жа Роцина-Инсарова была очень хороша. Сцена отдѣленія вышла у нея безподобно,—натура прорвалась,—такъ и чувствовалось, что женщина эта сбросила съ себя надѣтыя ею же оковы и проявилась какъ она есть,—разнузданной и безъ нравственныхъ устоевъ. Г-жа Холмская — княжна Ахматова ничего новаго не дала, и ничѣмъ не выдѣлалась, Г-жа Яблочкина была превосходна. Такъ и видѣли передъ собою старую помѣщицу прежнихъ временъ, признающая лишь кнутъ и дисциплину. Г. Валерская—объ ней ничего нельзя сказать,—у нея такая каша во рту, что можно было разобрать лишь нѣсколько словъ, въ родѣ «та noble maman» —не приобрѣтеніе для Малаго театра.—Быть можетъ, пьеса и будетъ имѣть успѣхъ, но до «Хаоса» ей далеко.

«Русскіе Аргонавты» пьеса г. Николаева, поставленная на сценѣ Малаго Театра можетъ удовлетворить любой вкусъ. Чего-то тутъ нѣтъ. И открытая сцена въ кафе шантанъ, съ неизбѣжнымъ матчишемъ и пьянымъ купчикомъ, и загримированный настоящимъ Яго анархистъ, и идеалистъ полный надеждъ на возрожденіе Россіи и работающій во всю, и похищеніе горцами его и его невѣсты по наущенію вѣроломнаго Яго, который подъ видомъ политической пропаганды нанимаетъ горцевъ съ тѣмъ, что бы они украли его соперника, обѣщая имъ выкупъ, и ревнивая грузинская княгиня, влюбленная въ идеалиста и пшютъ - чиновникъ и вельможная тетушка, и пожаръ на прискахъ -- и животныхъ выпустили.

Г-жа Музиль — Бороздина очень эффектно вѣхала на сцену на лошади, а въ последнемъ актѣ ея сынишка на ослѣ! Впечатленіе же отъ пьесы странное. Такъ и просилось на языкъ: ахъ зачѣмъ было огородъ городить, ахъ зачѣмъ было попусту сидѣть!—Въ первомъ актѣ кафешантанъ, (прекрасная декорация Болдырева), за маленькими столами сидитъ публика. Одни требуютъ шампанскаго, другіе говорятъ о политикѣ. Является вельможная тетушка съ племянницей и ея женихомъ посмотрѣть на кафешантанъ. Яго—Гамжадовъ ползаясь тѣмъ, что вельможная тетенька, возмущена дымомъ отъ сигаръ и пьянымъ людомъ, уходитъ въ отдѣльный кабинетъ объясняться въ любви молодой дѣвушкѣ. Она слушаетъ съ видимымъ удовольствіемъ рѣчи своего поклонника, но женихъ приходитъ и уходитъ изъ общей залы.

2-ое дѣйствіе на Кавказѣ. Идеалистъ Ивановъ пріѣхалъ въ сопровожденіи тетки и племянницы насаживать культуру среди горцевъ. Гамжаровъ отъявился вслѣдъ за ними, и сгорая ревностью, подговариваетъ горцевъ украсть для

полученія выкупа г-на Иванова. Горцы соглашаются и среди бѣлаго дня въ присутствіи влюбленной въ Иванова восточной княгини крадутъ его—за одно и его невѣсту, что во въ расчетъ Яго. 3-ье дѣйствіе въ горахъ гибельнаго Кавказа—въ аулѣ. Оба плѣнники: за молодой дѣвицею ухаживаетъ черномазый черкесъ, предлагая ей поминутно кислаго винограду, по выраженію Иванова, не культивированнаго, Ивановъ разводитъ философію и кончаетъ тѣмъ, что объясняется въ любви Еленѣ въ ожиданіи выкупа. Въ это время является женихъ съ осетинами освободить плѣнника, но узнавъ, что онъ желаетъ быть выкупленнымъ лишь съ невѣстою, заявляетъ горцамъ, что они ничего не получаютъ! Положеніе молодыхъ людей критическое, но въ эту минуту, слышны выстрѣлы. Вельможная тетушка успѣла выслать въ столицу телеграмму, администрація—казакъ. Спасены—ликуютъ! 4-ое дѣйствіе: переѣхали насаждать культуру въ Туркестанъ. Неугомонный Гамжаровъ тутъ мутитъ рабочихъ, запаливаетъ нефть, но Ивановъ во время тушить пожаръ, а въ то время, какъ всѣ на пожарѣ, Гамжаровъ, узанный несмотря на рабочій костюмъ Еленой, получаетъ отъ нея нагоняй — «Вы не революціонеръ, а бунтарь»; онъ хочетъ съ горя стрѣлять, но она проситъ быть поделкатнѣе и исполнить этотъ номеръ у ея дома. Гамжаровъ уходитъ,—возвращается Ивановъ, всесторонне говоритъ опять о культурѣ и взрываетъ динамитомъ скалы; вырывается потокъ нефти. Вотъ и все.

Теперь нѣсколько словъ объ исполнителяхъ. Роль Иванова игралъ Глаголинъ, какъ всегда хорошо, обдуманно, горячо. Г-жа Музиль была очень мила и кокетлива. Г-жа Строгонова была *grande dame* въ полномъ смыслѣ этого слова. Г-нъ Діевскій старался изобразить изъ себя злодѣя и загримировался довольно неудачно. Хворостовъ—колонистъ Мейеръ былъ типиченъ. Г-жа Давыдова—изящная пѣвица, заунывно, но не безъ музыкальности спѣла восточную пѣсню. Вывели пьесу лишь чудная игра артистовъ и прекрасная декорация г-на Болдырева. Нельзя не упомянуть и о г-жѣ Порчинской, крайне эффектной въ грузинскомъ костюмѣ, передавшей хорошо типъ южанки, безудержу влюбившейся въ Иванова. Она прекрасно имитируетъ діалектъ грузинъ: и красиво носить ихъ оригинальный головной уборъ.

Голосъ изъ публики.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Гдѣ мой кумиръ и гдѣ мой богъ?
Когда-то юными годами
Мой раззолоченной чертогъ
Сіялъ безсмѣнными огнями.
Теперь въ немъ мрачно и темно,
Кумиръ разбитъ и боги пали,—
И въ душномъ сумракѣ давно
Былыя пѣсни отзвучали...

Алексѣй Грунинъ.

СЦЕНА И ЖИЗНЬ.

Петербургскій театръ.

«Эросъ и Психея».

Репертуаръ труппы г. Красова обогатился новой пьесой.

„Эросъ и Психея“.

Это—красивая, художественная, хотя нѣсколько бьющая на эффектъ, драматическая поэма.

Ея авторъ — молодой польскій писатель Георгій Жулавскій.

Увлечшись извѣстнымъ мифомъ древней Эллады о безсмертїи Психеи и взятїи ее на Олимпъ, талантливый драматургъ разработалъ эту чудную легенду такъ оригинально, что пьеса по содержанию своему, представляетъ большой интересъ.

Главное дѣйствующее лицо—Психея. Олицетвореніе человѣческой души. Въ поискахъ утеряннаго Эроса—идеала чистой любви—она скитается по бѣлу-свѣту. Но вездѣ ее преслѣдуетъ Блаксъ — типичная фигура «мірового зла», символъ матеріальнаго начала жизни.

Блаксъ—всегда суровый, грубый, поработаетъ все высшіе порывы Психеи. Психеѣ приходится съ нимъ бороться. Борьба эта продолжается еще и нынѣ—въ наше время. Надо полагать, что не прекратится она и въ далекомъ будущемъ. Но г. Жулавскій, судя по послѣднему дѣйствию пьесы, желаетъ вѣрить, что настанетъ, наконецъ, день, когда Психея восторжествуетъ надъ Блаксомъ, и идея истинной любви воцарится надъ міромъ.

„На любви основанъ міровой законъ!“—вотъ лейтъ-мотивъ пьесы.

Какъ сценическое представленіе, „Эросъ и Психея“ дастъ широкій матеріалъ и для режиссера и для артистовъ. Дѣйствіе происходитъ въ продолженіе нѣсколькихъ эпохъ, въ совершенно разной средѣ и при различной обстановкѣ. Тутъ и счастливая Аркадія, съ ея чарующей природою, древній Римъ, средневѣковой монастырь, Парижъ 1792 года изъ эпохи паденія абсолютизма во Франціи и наконецъ апоэозъ, изображающій взятіе Психеи Эросомъ на Олимпъ. Кромѣ того, Психея, Блаксъ и даже второстепенные персонажи подвергаются различнымъ превращеніямъ.

Необходимо правильное историческое и психологическое толкованіе, чтобы пьеса прошла съ успѣхомъ. Въ данномъ случаѣ театръ г. Красова съ честью справился со своею трудной задачей. Правда, въ игрѣ артистовъ проглядывали нѣкоторые недочеты, но они объясняются болѣе индивидуальными особенностями артистическихъ данныхъ самихъ исполнителей. Въ общемъ же публика узрѣла яркую понораму или, лучше сказать, красивое зрѣлище, доставившее ей истинное наслажденіе.

Декорации и костюмы богаты и стпльные; выдержаны они до мельчайшихъ подробностей. Во всемъ видна работа, энергія и пониманіе.

Психею играла г-жа Шатленъ. Артистка съ большимъ опытомъ, но въ передачѣ данной роли, мѣстами не вполне удовлетворяла. Въ первыхъ трехъ актахъ хотѣлось бы услышать

большую нѣжность тона. Вполнѣ удался ей пятый актъ, особенно сцена истерики, производшая сильное впечатлѣніе.

Роль Блакса, какъ и Психеи, носитъ въ каждой отдѣльной картинѣ совершенно особенный, законченный и рѣзко обозначенный колоритъ, но г. Шумскій оказался не въ силахъ справиться съ нею. Игра была чрезчуръ шаблонная. Онъ совершенно снабдилъ своего героя чертами огромной подавляющей силы.

Изъ остальныхъ исполнителей отмѣтимъ г. Шатова (Эросъ), обнаружившаго присутствіе нѣкотораго декламационнаго таланта, г. г. Александра (старецъ-рабъ), Бартенева (посолъ боговъ), Кречетова и Бряскаго.

Пьеса шла въ прекрасномъ переводѣ Т. А. Щепкиной — Куперникъ, которая присутствовала на первомъ представленіи.

И. М — нъ.

«Дядюшкинъ сонъ».

Вы помните большой рассказъ Достоевскаго «Дядюшкинъ сонъ». Провинціальная мамаша, во имя счастья единственной дочери Зиночки, рѣшила выдать ее за стараго, богатаго князя. Этотъ князь ужасенъ. Ходячая карриатура, пасквиль на человѣка. Выжившая изъ ума руина съ вставными зубами, крашеными щеками, накладкой.

Въ концѣ концовъ тѣ, кому это нужно было, убѣждаютъ князя, что онъ и не думалъ дѣлать предложенія Зиночкѣ, что все это ему померещилось. Князь вѣритъ, свадьба разстраивается.

Таковъ основной мотивъ, гениально выпитый на фонѣ захолустной провинціи пятидесятихъ годовъ.

Даровито, сценично и вмѣстѣ опытной рукой передѣлалъ этотъ рассказъ въ комедію адъютантъ московскаго генералъ-губернатора Н. В. Каховскій.

Каховскій прїѣхалъ изъ Москвы смотрѣть, какъ ставятъ въ залѣ Тенишевскаго училища его комедію Ѳ. И. Израилевъ и Г. М. Хитрово. Внукъ великаго поэта Ал. Толстого, Хитрово отличается разносторонней даровитостью. Онъ и рисовальщикъ, и поэтъ, и публицистъ, и актеръ. Онъ игралъ стараго князя и отлично овладѣлъ этой трудной фигурой выжившаго изъ ума раболитика и хлыща. Одѣтый по модѣ пятидесятихъ годовъ, Хитрово былъ въ узкихъ несочныхъ панталонахъ со штрипками и высокимъ глухимъ галстукомъ. Онъ ни разу не впалъ въ шаржъ, а это могло легко случиться, ибо фигура князя окарриатурина Достоевскимъ въ высшей степени.

Свѣтскія дамы—артистки съ локонами à la Растопчина и въ широкихъ атласныхъ и шелковыхъ платьяхъ, блекнушіе тона которыхъ красиво передаютъ Мусатовъ и Сомовъ казались сошедшими съ Брюлловскихъ портретовъ.

Играли г-жи: б-сеа И. А. Будбергъ, Н. Н. Лантингъ, С. С. Волкова, Н. С. Волкова, Н. Д. Вальгардъ, С. Г. Спечинская, В. И. Волькенау, М. П. Бюцова, гр-ня М. А. Гейденъ,

К. А. Абаза, г-г.: А. Н. Лаптингъ, В. М. Бернацкій, М. М. Родзянко и Ѳ. М. Охотниковъ.

Избранная публика нацѣпляла театръ. Успѣхъ былъ и матеріальный и нравственный. Весь сборъ, довольно крупный, поступилъ въ пользу маленькихъ садовниковъ Синяго Креста. Вызывали артистовъ, вызывали автора.

Гвидъ.

Нѣсколько словъ о создателяхъ „Стариннаго театра“.

На фонѣ тусклой дѣйствительности, стѣрыхъ однообразныхъ сумерекъ нашихъ дней, внезапно блеснулъ яркій свѣтъ: четыре талантливыхъ человѣка совмѣстно создали великое дѣло.. Создали «Старинный театръ».

Взаимно дополняя другъ-друга, баронъ Н. В. Дризенъ, А. А. Санинъ, М. Н. Бурнашевъ и Н. Евреиновъ показали петербургской публикѣ такое зрѣлище, которому суждено занять достойное мѣсто на скрижаляхъ исторіи русскаго театра.

Но мы не цѣнимъ своего, русскаго...

Колоссальный трудъ четырехъ художниковъ, извлечшихъ изъ пыли архивовъ старинныя хроники, мистеріи, миракли и дѣйства, трудъ этотъ представляется намъ, русскимъ, такимъ ненужнымъ, такимъ никчемнымъ,—что обидно становится за тѣхъ, кто потратилъ на это дѣло массу энергіи, знанія и труда, не говоря уже о матеріальныхъ затратахъ. Говорить о нашей косности, о нашей пренебрежительности ко всему тому, что не носитъ на себѣ клейма заграничной фирмы или вержболовской таможни, говорить объ этой специфической русской чертѣ — значить убивать напрасно время...

— «И погромче насъ были вити, Да не сдѣлали пользы перомъ!»...

Жаль, очень жаль, что создатели «Стариннаго театра»—не нѣмцы: родись они въ Голштиніи или въ какомъ-нибудь «...дорфѣ»—они были-бы вторыми Мейнингенцами, ихъ «Старинный театръ» былъ-бы вторымъ «театромъ въ Байрейтѣ»...

Александръ Акимовичъ Санинъ—будь онъ нѣмцемъ — возбуждалъ-бы нашъ восторгъ и восхищеніе; его гениальное созданіе—эта санинская толпа, которая живетъ на сценѣ Стариннаго театра, не вызвала-бы удара копытомъ со стороны «рецензента» газеты «Товарищъ».. Этотъ «рецензентъ», — я увѣренъ въ томъ — поберегъ бы запасъ своихъ банальныхъ, избитыхъ и никому не нужныхъ словъ для другого русскаго театра, если-бы... четыре организатора «Стариннаго театра» не были русскими!

Но они сдѣлали непоправимую ошибку, родившись въ Россіи, и теперь расплачиваются за нее.

В. Блохинъ.

Императорское Русское Театральное Общество кажется въ будущемъ году волей-неволей должно ликвидировать свое дѣло. Ходатайство о выдачѣ ему 23 тысячъ на покрытие дефицита, кажется не осуществится, а безъ этихъ денегъ существованіе его немислимо. Идутъ теперь дѣятельныя хлопоты о созывѣ въ Москвѣ Великимъ постомъ общаго собранія г.г. артистовъ. Рѣшено на четвертой недѣлѣ Воликаго поста, въ то время большой наплывъ артистовъ, созвать какъ можно больше членовъ Общества и выработать совершеннѣе новый уставъ, дабы была возможность совершенно не исчезнуть театральному Обществу. При настоящихъ бюрократическихъ порядкахъ наше театральное Общество существовать не можетъ. Канцелярія, какъ московская, такъ и петербургская, стоятъ громадныхъ денегъ. Собрать расходы невозможно. И это все можно только устроить въ томъ случаѣ, если на за-сѣданіяхъ будутъ присутствовать лица, которыя хорошо знаютъ нужду русскаго провинціального артиста, а не г.г. Карповъ, Витарскіе, Кугели и др.

Администрація г. Одессы на дняхъ, какъ намъ передаютъ, запретила постановку пьесъ: «Пробужденіе весны», Ведекінда, «Черные вороны» В. В. Протопопова и «Недруги» Е. П. Карпова.

— «Черные вороны» выдержавшіе «въ Петербургскомъ Театрѣ» Н. Д. Красова 63 рядовыхъ представленія, дали въ общей сложности 65 тысячъ чистаго сбора, что выходитъ по тысячѣ рублѣй на кругъ за вечеръ. Идущая въ томъ-же театрѣ пьеса г. Жулавскаго «Эросъ и Психея» пользуется не меньшимъ успѣхомъ и дѣлаетъ прекрасные сборы.

На рождественскихъ праздникахъ г-нъ Красовъ ставитъ пьесу Александра Ахифтеатрова: «Чертушка» и Туношенскаго «Старый Другъ».

— Солистка Его Величества М. И. Долина—Герленко предпринимаетъ въ ближай-

шемъ времени поѣздку по Финляндіи, гдѣ предполагается дать около десяти концертовъ въ крупнѣйшихъ городахъ. Всѣ концерты будутъ посвящены исключительно національной русской пѣснѣ и явятся въ нѣкоторой степени повтореніемъ недавнихъ ея концертовъ въ Петербургѣ. До сихъ поръ Финляндія почти совсѣмъ не знакома съ національной русской пѣсней и музыкою. Одновременно съ концертами предполагается сдѣлать нѣсколько рефератовъ по исторіи русскаго національнаго театра, пѣсни и музыки.

— Въ Петербургѣ функционируетъ интимный великосвѣтскій кружокъ, подъ названіемъ: «Кружокъ любителей комической оперы и оперетты». Кружокъ преслѣдуетъ исключительно художественныя цѣли и имѣетъ въ виду предоставить возможность любителямъ музыки и сцены принимать участие въ періодически устраиваемыхъ спектакляхъ. «Душою» этого замкнутого кружка, состоящаго исключительно изъ представителей beau-monde'a, является Н. В. Варварина и г-нъ Мальчевскій—талантливый режиссеръ. Г-жа Н. В. Варварина—вполнѣ законченная драматическая артистка, съ большимъ темпераментомъ,—не выступаетъ передъ широкой публикой исключительно по условіямъ «свѣта».

Премьеромъ-пѣвцомъ кружка является безусловно даровитый пѣвецъ, Н. Г. Васильевъ, бывший офицеръ одного изъ петербургскихъ полковъ.

— 29-го декабря въ театрѣ «Зимній Буффъ» состоится бенефисъ главнаго режиссера А. А. Брянскаго. Въ свой бенефисъ г-нъ Брянскій ставитъ новое обозрѣніе 1907 года, написанное В. Валентиновымъ, подъ названіемъ «Злободневная Елка съ сюрпризами», и оперетту «Ночь Любви», съ совершенно новой обстановкой, на которую затрачено много денегъ.

Въ этомъ году петербуржцы будутъ имѣть возможность слушать лучшую вѣнскую оперетку. Въ труппѣ г. Целлера имѣются такія силы, какъ г-жи Бетти Стоянь, извѣстная въ Вѣнѣ примадонна Элла Шрайтеръ и г.г. Штейнбергеръ—любимецъ петербуржцевъ и теноръ Бауэрдъ съ успѣхомъ, конкурирующій съ Ю. Шпильманомъ, Зароль, Адлердъ и др. Гастроли труппы состоятся въ театрѣ Акваріумъ съ 26 декабря до 8 января.

— Группа русскихъ офицеровъ, бывшихъ въ плѣну у японцевъ и проживавшихъ въ японскихъ городахъ, приступила къ выработкѣ плана сооруженія особаго зданія и программы пьесъ для новаго театра, который будетъ носить названіе—«Мельпомена Востока». Въ программу предполагается включить пьесы китайскаго, японскаго, корейскаго репертуара. Главное вниманіе будетъ обращено на то, чтобы пьесы ставились съ сохраненіемъ даже мельчайшихъ подробностей мѣстнаго характера. Декорации будутъ исполнены или въ Японіи или японскими декораторами, которые спеціально для этого будутъ приглашены въ Петербургъ. Во всякомъ случаѣ, въ театрѣ предполагается режиссерскую часть отдать въ руки японскихъ театраловъ. Составъ труппы будетъ русскій. При театрѣ преположено также устроить «заль отдыха» съ настоящими гейшами, вѣрама, чаемъ и т. п. дальневосточными атрибутами.

— На рождественскихъ праздникахъ въ театрѣ «Комедія будетъ поставлена на русскомъ языкѣ японская драма «Торякойя». Эта пьеса признается лучшимъ произведеніемъ драматической литературы и считается классической пьесой японскаго театра, кстаті сказать вообще небогатаго репертуаромъ. Инициатива этого предпріятія принадлежитъ артисткѣ М. Н. Нининой—Петипа, долгое время державшей антрепризу на Дальнемъ Востока.

Извѣстный меценатъ и любитель искусства, богатый негоціантъ Г. М—овъ и Р—ій, подали въ дирекцію прошеніе о сдачѣ имъ въ аренду на 25 лѣтъ зданіе Михайловскаго театра для эксплуатаціи театральныхъ зрѣлищъ разнаго рода, и думаютъ давать въ немъ спектакли интернаціональнаго характера.

Мы слышали, что молодой артистъ театра «Пассажъ» Б. С. Вепринскій получаетъ весною будущаго года дебютъ на Маріинскѣй сценѣ. Для дебюта выбраны имъ роли мельника (Рукалка) и Сусанина.

— Въ залѣ Калашниковской хлѣбной биржи состоялся интересный концертъ въ пользу Коммерческаго Училища въ Лѣсномъ. Въ первомъ отдѣленіи концерта приняли участіе артисты: Н. Г. Васильевъ, г-нъ Сладкопѣвцевъ и г-жи Тиманова и Гордѣнко. Н. Г. Васильевъ съ громаднымъ успѣхомъ исполнилъ арію Рудольфа изъ оп. «Богема». Молодой, талантливый пѣвецъ, г-нъ Васильевъ, помимо прекрасной школы показалъ большой темпераментъ и осмысленность въ фразировкѣ—необходимыя и цѣнные качества для хорошаго пѣвца. Н. Г. Васильеву съ увѣренностью можно предсказать блестящую карьеру на серьезной оперной сценѣ. Пѣвецъ много разъ биссировалъ.

Очень мило читала г-жа Гордѣнко и играла на роялѣ г-жа Тиманова.

Артистъ Малаго театра г-нъ Сладкопѣвцевъ пользовался большимъ успѣхомъ. Во второмъ отдѣленіи съ успѣхомъ выступала Зина Граматчикова.

Залъ былъ полонъ. Концертъ весьма удался во всѣхъ отношеніяхъ.

Оперетта написанная г. Потапенко, какъ либретто, такъ и музыка, подъ названіемъ «Золото», была представлена имъ для постановки, но она не одобрена, и врядъ-ли петербургская публика увидитъ ее въ какомъ либо изъ нашихъ театровъ. Г. Потапенко оказался довольно плохимъ композиторомъ и написанная имъ музыка къ опереттѣ требуетъ большихъ исправленій и громаднаго труда. Знатоки музыкальнаго дѣла находятъ, что легче написать всю новую музыку, чѣмъ исправить композицію г. Потапенко.

Извѣстный директоръ въ Монтѣ-Карло г-нъ Гинсбургъ ведетъ переписку съ П. В. Тумпаковымъ о приглашеніи въ Монако на великій постъ, гдѣ въ это время бываетъ наплывъ русской публики, всѣхъ участвующихъ въ «Ночи любви». (??!) Возможно это состоится несмотря на то, что дирекція театра Буффъ рѣшила съ этой же опереткой ѣхать въ Москву. У П. В. Тумпакова большая труппа, — и она имѣетъ возможность отправить за границу г.г. Шувалову, Гвоздевку, Варламову г.г. Вавича, Монахова, Максимова, Бураковского, Кошевскаго. Для Москвы остаются г.г. Рахманова, Валентина Линъ, г.г. Полонскій, Коржевскій, Каменскій и Радомскій.

Панорама «Голгоѳа».

Во дворѣ дома № 100 по Невскому проспекту, на дняхъ закончено оборудованіе и установка громадной картины-панорамы «Голгоѳа».

Величественное, круглое зданіе, выстроенное изъ кирпича, бетона и желѣза, перекрыто стекляннымъ куполомъ. Просторныя комнаты ведутъ въ фойѣ, гдѣ рабочіе еще заняты внутренней отдѣлкой.

По широкому проходу-туннелю публика будетъ проходить къ лѣстницѣ, ведущей на возвышенную площадку, помѣщающуюся посреди зданія.

Съ этой площадки открывается видъ на панораму, охватившую вокругъ весь горизонтъ.

Колоссальный видъ открывается предъ зрителемъ, видъ, который никогда не изглаживается изъ памяти!

Къ картинѣ, рисующей Крестныя Муки приравлены аксессуары, бутафорія и т. п., отчего картина получаетъ рельефность и выпуклость.

Предметы перваго плана незаметно переходятъ въ аксессуары втораго, и такъ далѣе до отдаленнаго горизонта. Всѣ законы перспективы соблюдены до мельчайшихъ подробностей.

Получается полное воспроизведеніе Голгоѳы.

Не мало, видно, труда стоило устройтелю Голгоѳы создать это дивное зрѣлище, не мало, конечно, сдѣлано матеріальныхъ затратъ, что сдѣлано,—сдѣлано капитально и не рассчитано на дешевый, недолгій эффектъ, а на продолжительное время.

Въ техническомъ отношеніи панорама—безукоризненна. Всѣ новѣйшія приспособленія—въ пожарномъ отношеніи, свѣтовомъ, въ отношеніи удобствъ для публики—все это примѣнено въ панорамѣ «Голгоѳа».

Святѣйшій Синодъ далъ свое согласіе на открытіе для обозрѣнія публики этого высоко-религіознаго зрѣлища.

Остается только пожелать, чтобы энергичный владѣлецъ панорамы, г-нъ Полетылло поторопился закончить внутреннюю отдѣлку и уже на праздникахъ открылъ это интересное зрѣлище для публики.

— Въ залѣ Гражданскихъ Инженеровъ г-жею О. К. Соважъ-Комаровою по четвергамъ (два раза въ мѣсяцъ) устраиваются музыкально-литературные вечера «Искорка».

Г-жа Соважъ-Комарова задалась интересной мыслью дать возможность молодымъ артистамъ, начинающимъ, любителямъ музыкально-вокальнаго искусства, чтенія, декламации, молодекламации, опернаго ансамбля, драмы и пр. — выступить предъ публикою. Давая возможность молодымъ артистамъ испробовать свои силы, г-жа Соважъ-Комарова вмѣстѣ съ тѣмъ достигаетъ и того результата, что молодые артисты привыкаютъ выступать на сценѣ, быть на глазахъ публики, что для начинающихъ представляетъ огромную важность.

Входъ на вечера, которые обыкновенно заканчиваются танцами, по рекомендаціи. Входная плата не высока.

— Въ среду, 2-го января „кружокъ любителей“ комической оперы и оперетты устраиваетъ, вмѣсто семейно-музыкальнаго вечера, елку и святочный вечеръ со входной платой по рублю какъ

съ гостей, такъ и съ членами кружка. Посѣтителей просятъ, по возможности, быть въ маскарадныхъ костюмахъ.

Слѣдующій спектакль кружка, юбилейный, состоится 7-го января, въ залѣ Павловой. Идетъ «Гейша». Запись на билеты открыта.

— Въ одномъ изъ фешенебельныхъ столичныхъ ресторановъ выступаетъ во время ужиновъ талантливый цѣвецъ и исполнитель цыганскихъ романсовъ Александръ Давыдовичъ Давыдовъ. Sic transit gloria mundi...

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь,
Господинъ Редакторъ!

Съ нѣкоторыхъ поръ въ разныхъ газетахъ и журналахъ начали появляться статьи г. Врешко-Врешковскаго о борьбѣ и борцахъ. Каждый воленъ писать о чемъ ему угодно, и почему бы г. Врешко-Врешковскому не писать о такомъ интересномъ спортѣ, какъ борьба. Но дѣло въ томъ, что во всѣхъ этихъ статьяхъ и очеркахъ удѣлялось много мѣста лично мнѣ, какъ борцу.

Настойчиво, шагъ за шагомъ, старался г. Врешко-Врешковскій развѣнчать меня. Онъ сомнѣвался въ моей силѣ, въ моей способности положить такихъ борцовъ, какъ Мурзукъ, Фристенскій.

Я долго недоумѣвалъ. Тѣмъ болѣе, что личныхъ мотивовъ такого настойчиваго преслѣдованія при всемъ желаніи я не могъ видѣть у г. Врешко-Врешковскаго. Мы не были знакомы, никогда не обмѣнялись ни однимъ словомъ, не имѣли отношеній черезъ кого бы то ни было.

Нѣсколько разъ я отвѣчалъ г. Врешко-Врешковскому печатно. Желая положить конецъ этой полемикѣ, я остановился на слѣдующемъ.

Профессоръ атлетики И. В. Лебедевъ отъ моего имени пригласилъ г-на Врешко-Врешковскаго присутствовать на испытаніи моей силы

И вотъ въ Офицерскомъ фехтовальномъ залѣ, передъ толпой въ нѣсколько десятковъ человѣкъ я установилъ слѣдующіе рекорды. Обвязавъ моего домашняго доктора полотенцемъ, я двадцать восемь разъ поднялъ этого четырехъ-пудоваго человѣка на мизинцѣ. Ногами я 25 разъ выжалъ 11-ти-пудовую тяжесть, совокупный вѣсъ штанги и доктора. Семипудовую штангу я бросалъ собѣ на шею съ высоты трехъ футовъ. Предъ этими страшными ударами дѣтскими кажутся удары такихъ сильныхъ борцовъ, какъ Циклопъ и Збышко. Въ теченіе тридцати секундъ я выдержалъ на своемъ мосту двадцати-четырепудовую тяжесть, вѣсъ 3 человѣкъ и штанги.

Думаю, что справедливость моихъ словъ не откажетъ засвидѣтельствовать видѣвшій все это г. Врешко-Врешковскій.

Всѣ присутствующіе удивлялись моей феноменальной силѣ. Мудрено-ли, что при такой силѣ и ловкости, которую не стану отрицать самые завзятые враги мои, я въ разныхъ городахъ Европы положилъ такихъ борцовъ, какъ Эберле, Вокеруа, Абсъ, Збышко и др. Эти побѣды не выдуманы мною, а засвидѣтельствованы мѣстными газетами и журналами, которые имѣются у меня, какъ документы.

Съ почтеніемъ
Георгъ Лурихъ.

Харьковъ.

ЦИНОГРАФИЯ ФОТОТЕХНИКЪ

== П О Р О С С И Я. ==

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

Казань. Въ Казани случился безпримѣрный инцидентъ. Дѣло въ томъ, что на основаніи «положенія объ усиленной охранѣ», не допущены къ постановкѣ цѣлый рядъ новыхъ пьесъ, (хотя и разрѣшенныхъ драмат. цензурой и даже «безусловно», но яко-бы вредныхъ по направленію). Ближайшимъ поводомъ къ столкновению послужило запрещеніе ставить послѣдній (новый) актъ Чириковского «Ивана Миновича». Арендаторъ театра Н. И. Соболичковъ-Самаринъ заявилъ, что дѣло идти не можетъ и прекратилъ спектакли въ Городскомъ театрѣ. Такимъ образомъ драматическая труппа дала у насъ всего пять спектаклей («Волна», «Воръ», «Хаосъ», «Новая жизнь» и «Безъ вины виноватые»), а теперь Казань обречена на «мертвую спячку»!.. Соболичковъ спѣшно выѣхалъ въ Петербургъ хлопотать объ отменѣ Казанской «комиссіи подцензурнаго вѣдомства». Но чѣмъ увѣнчаются хлопоты — неизвѣстно.

х.

Кіевъ. Теноръ русской оперы А. Г. Мосинъ поставилъ для своего бенефиса «Нерона» Рубинштейна. На этомъ спектаклѣ, между прочимъ, происходило также и скромное чествованіе артиста, по случаю десятилѣтія его артистической дѣятельности. Г. Мосинъ былъ въ особенномъ ударѣ и въ заглавной роли постарался показать самыя лучшія качества своего вокально-драматическаго дарованія. Успѣхомъ пользовались и все остальные исполнители, особенно г-жа Балановская, г. Тихоновъ и г. Сокольскій.

— Въ труппѣ г. Садовскаго дебютировала молодая артистка Н. Н. Дорошенко, выступившая въ роли Софій въ пьесѣ «Безталанна». Дебютантка проявила довольно сильный темпераментъ, умѣнье пользоваться своими силами и хорошее пониманіе роли. Г-жа Дорошенко не избѣгла подражанія М. К. Заньковецкой.

г. Курскъ.

Наши театральныя дѣла представляются въ такомъ видѣ и положеніи. Въ городѣ существуетъ только одинъ зимній театръ — прежде служившій зданіемъ манежа, теперь кое-какъ приспособленный для театра. Антрепренерствуе у насъ шестой сезонъ подрядъ «бессмертный» Иванъ Владимировичъ Погуляевъ. По сравненію съ прошлыми сезонами, дѣла Погуляева, не особенно важны. Причина та, что драма — прискучила. Много значить и составъ труппы, оказавшійся въ нынѣшнемъ сезонѣ среднимъ. Именъ въ ней не замѣтно, хотя есть довольно порядочные работники. Репертуаръ за послѣдніе дни былъ слѣдующій: «Каширская старина», «Сыщикъ Лекко», «Укрощеніе строптивой» — «Слушай Израиль» — комедія «Бюрократы» «Недоросль» и долго готовившаяся «Веселая вдова»... Изъ исполнителей наиболѣе замѣтными представляются слѣдующія лица: г-жа Трубецкая (премьерша), Панаева, Ковалевская (молодая, подающая надежды, актриса) и г. г-да: Ростовскій, Боляровъ (комикъ режиссеръ). Шешминцевъ и Бирюковъ.

Въ текущемъ мѣсяцѣ существующее здѣсь общество любителей драматическаго искусства справляетъ двадцатипяти лѣтній юбилей. Готовится парадный спектакль.

И. Татьянинъ.

Томскъ. Въ общественномъ собраніи, гдѣ подвизается драматическая труппа, гастролируетъ М. М. Петипа. Репертуаръ этого талантливаго артиста все тотъ же старый, заигранный. Опять „Тартюфъ“ — Мольера, роль гувернера-француза въ комедіи покойнаго Дьяченко, Годда въ «Казни» и т. д. Но при всемъ томъ успѣхъ гастролера былъ громадный. И неудивительно! Г. Петипа умѣетъ создавать живые, реальные образы. Остальные артисты, принадлежащіе труппѣ Каширпна и Невѣрина, вполне поддер-

живаютъ ансамбль. На высотѣ задачи, г. Раковскій, являющійся достойнымъ партнеромъ г. Петипа и дѣлящій съ нимъ успѣхъ. Недурны г. г. Зеновъ и Старковскій. Изъ женскаго персонажа выдѣляется г-жа Амогова, у которой хороши данныя для такихъ ролей, какъ Мольеровская Маріанна. Г-жа Волховская — хорошая исполнительница характерныхъ ролей, но за роли молодыхъ героинь ей никогда не слѣдуетъ браться. Отмѣтимъ также г-жу Айвазовскую и Кременецкую.

Драма, обыкновенно неохотно посѣщаемая томичами, съ прѣвдѣмъ г. Петипа, начала дѣлать сборы.

Ревель. Въ настоящее время у насъ играетъ постоянная труппа «Прибалтійскаго передвижнаго театра», состоящая большей частью изъ артистовъ бывшаго въ Петербургѣ Василеостровскаго театра Н. А. Попова. Въ составѣ труппы имѣются такія прекрасныя артистки и артисты; какъ г-жи Дагмаръ, Долова, г. г. Викторовъ (режиссеръ), Вурленко, Мартини, Маргаритовъ, Недлеръ, Холминъ и др. Репертуаръ очень разнообразенъ и состоитъ большей частью изъ новыхъ пьесъ, какъ-то: «Черныя вороны», «Эльза», а также «Дѣти солнца», «Среди цвѣтовъ» и т. д. Публика относится очень сочувственно къ театру и охотно посѣщаетъ его, что для Ревеля составляетъ большую рѣдкость. Это и дало поводъ П. П. Гайдебурову, директору Россійскаго Передвижнаго театра, ставившаго спектакли въ Петербургѣ въ Народномъ Домѣ гр. Паниной, также прѣхать со своей труппой въ Ревель. Пріемы, примѣняемые къ этому г. Гайдебуровымъ нельзя сказать, чтобы были очень корректы. Труппу онъ привезъ довольно слабую, сборовъ почти не дѣлаетъ, но все же мѣшаетъ существовать театру, зарекомендовавшему себя съ хорошей стороны.

Ярославль. Подрядъ нѣсколько сезоновъ

городской театр держалъ известный провинціальный антрепренеръ П. П. Модвѣдевъ, всегда приглашавшій достаточно хорошія силы. Уже съ половины минувшаго сезона зданіе театра особой комиссіей было признано не надежнымъ, по крайней его ветхости, и какъ только сезонъ кончился, театръ заколотили. Стоитъ онъ заколоченнымъ и до сихъ поръ.

Между тѣмъ мѣстное «общество пѣнія», не теряя времени, отремонтировало свой залъ и подъ громкимъ именемъ «Новаго театра» сдало его на сезонъ 1907—8 г. Н. Н. Алмазову.

Отдаленность ли отъ центра города этого «Новаго театра», неудачный ли составъ труппы, но только къ 26 октября Алмазовъ уже отказался отъ антрепризы, ссылаясь на бездоходность предпріятія. Поставленные въ тяжелое положеніе, артисты обратились сначала къ Алмазову, а потомъ и къ «Обществу пѣнія» передать театръ ихъ товариществу. Алмазовъ согласился на это лишь при слѣдующихъ условіяхъ: не предъявлять къ нему претензій объ уплатѣ заработанныхъ у него денегъ и половину вѣшалочнаго сбора отчислять на покрытие долговъ по ликвидаціи его антрепризы. За подписью всѣхъ членовъ товарищества въ «совѣтъ старшинъ общества» подано заявленіе облегчить условія и тѣмъ дать возможность довести сезонъ до конца.

Сборы продолжаютъ быть плохими, несмотря на старанія товарищества. Въ постановкѣ пьесъ нѣтъ опредѣленнаго плана и это, можетъ быть, еще сильнѣе ухудшаетъ дѣло: «Въ городѣ», «Непогребенные», «Счастье только въ мужчинахъ». «Парижскія тѣни», «Сыщикъ» и самъ «Шерлокъ Холмсъ»—далеко еще не исчерпываютъ разнообразіе репертуара.

На дняхъ очень недурно поставили «Бога мести». Сравнительно съ другими изъ женскаго персонала выдѣляются Попова-Барвинокъ, Терская, Бѣлецкая, а изъ мужского—Мухинъ, Чубаровъ, Бѣляевъ и Раевскій.

7 декабря съ громаднымъ успѣхомъ прошелъ концертъ пѣвицы М. С. Каменской и пианиста І. Шварцъ.

Эль.

Вильна. За менѣе чѣмъ трехмѣсячное функционированіе у насъ русской драматической труппы М. Н. Мартова, между антрепренеромъ и артистами разыгрывается уже третій крупный инцидентъ.

И разыгрывается исключительно на почвѣ антрепренерской этики г. Мартова...

Первой жертвой пала г-жа Раменская,—молодая симпатичная артистка съ несомнѣннымъ дарованіемъ, встрѣченная и прессой, и публикой весьма сочувственно.

Инцидентъ разыгрался на почвѣ отнятія и передачѣ другой артисткѣ роли и г-жа Раменская, въ началѣ сезона, подъ предлогомъ «болѣзни» покинула сцену.

Второй жертвой оказалась г-жа Муравьева, не пожелавшая однако молчаливо обойти поступокъ г. Мартова и помѣтившая въ мѣстныхъ газетахъ письмо въ редакцію съ указаніемъ причинъ, по которымъ она вышла изъ состава труппы въ разгарѣ сезона.

Г. Мартовъ указывалъ въ свое оправданіе,

что черезъ 2 недѣли послѣ начала сезона онъ уже заявилъ г-жѣ Муравьевой, что не будетъ давать ей впредь отвѣтственныхъ ролей, а 2, что роль послужившая яблокомъ раздора была поручена г-жѣ Муравьевой лишь временно по болѣзни г-жи Чарусской, по выздоровленіи которой и была передана.

Оба эти оправданія, первое изъ которыхъ является въ то же время и указаніемъ на „неспособность“ артистки Муравьевой, въ дѣйствительности не выдерживаютъ никакой критики.

Сезонъ начался 22 сентября, слѣдовательно двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ г. Мартовъ „убѣдился“ въ неспособности г-жи Муравьевой, минули 6 октября.

За промежутокъ же времени съ 6 октября по 21 ноября, когда разыгрался инцидентъ,—г-жа Муравьева выступила въ нѣсколькихъ болѣе или менѣе крупныхъ роляхъ въ числѣ которыхъ была и роль Раутенделейнъ въ „Потонувшемъ колоколѣ“, не могущая ни въ какомъ случаѣ быть отнесенной къ числу неответственныхъ.

Слѣдовательно г. Мартовъ, если онъ и рѣшилъ не поручать г-жѣ Муравьевой отвѣтственныхъ ролей—о чемъ впрочемъ онъ врядъ ли думалъ до своего письма,—то во всякомъ случаѣ не выполнилъ своего „рѣшенія“, всего лишь за недѣлю до инцидента.

Что касается „болѣзни“ г-жи Чарусской, какъ причины того, что роль была поручена г-жѣ Муравьевой, то и тутъ г. Мартовъ уклонился отъ истины.

По установившемуся порядку пьесы у насъ идутъ съ двухъ, много съ трехъ репетицій. Инкриминируемый спектакль состоялся 22 ноября, слѣдовательно къ репетиціямъ было приступлено перанѣе 17 или 18. А именно: 18 ноября г-жа Чаруская была здорова и играла Лулу въ ведекиндовской „Женщинѣ“, 19 и 20 спектаклей не было, а 21-го г-жу Чарускую видѣли на благотворительномъ вечерѣ въ военномъ собраніи.

Такимъ образомъ г. Мартовъ, поступивъ противно этикѣ съ г-жей Муравьевой, для своей реабилитаціи прибѣгъ къ искаженію и натяжкѣ фактовъ и не остановился даже передъ тѣмъ, что швырнулъ грязью въ артистическое имя г-жи Муравьевой.

И швырнулъ незаслуженно.

Классифицировать поступокъ г. Мартова врядъ ли нужно,—онъ ясенъ, всѣмъ и каждому.

Третій инцидентъ еще только разыгрывается. На этотъ разъ уже не съ артисткой, а съ артистомъ...

Pet.

Вильна. 4 декабря, въ залѣ желѣзно-дорожнаго кружка открылись спектакли малорусской труппы, съ участіемъ талантливыхъ артистовъ г-жи Зарницкой и г. Манько. Поставили «Цыганку Азу» Роль Азы провела г-жа Зарницкая съ рѣдкимъ темпераментомъ. Вполнѣ на своихъ мѣстахъ были г-жа Миленко, г. Клодницкій, Калиненко и Науменко.

Самъ г. Манько съ обычнымъ успѣхомъ дебютировалъ въ роли пономаря въ «Бувальщинѣ».

— Съ рождества въ г. Вильнѣ предполагаются оперные спектакли новаго товарищества артистовъ подъ управленіемъ г.г. Несторова и Труффи. Товарищество совершитъ турнѣ по главнымъ городамъ Сѣверо-Западнаго Края. Въ репертуаръ входятъ до 15 оперъ, составъ артистовъ преимущественно изъ петербургскихъ театровъ; въ числѣ ихъ баритонъ І. С. Виноградовъ и артистка г-жа Бернадская. N.

Одесса. Мѣстная театральная комиссія вызвала для переговоровъ харьковскаго опернаго антрепренера М. К. Максакова, который на дняхъ пріѣхалъ. Г. Максаковъ предлагаетъ 250 р. отъ спектакля. Хотя въ прежнее время Городской театръ сдавался подъ оперу за гораздо меньшую сумму и кромѣ того антрепренеру предоставляется и хоръ, но въ виду сложившихся теперь обстоятельствъ очень благоприятныхъ для нормальнаго веденія опернаго дѣла въ Одессѣ, то можно считать условія для антрепренера выгодными. Составъ своей труппы и репертуаръ г. Максаковъ представитъ на усмотрѣніе театральной комиссія, причѣмъ обѣщаетъ поставить рядъ неигранныхъ въ Одессѣ оперъ. Постомъ г. Максаковъ предлагаетъ итальянскую оперу, а съ Пасхи драму.

Состоялся бенефисъ антрепренера Городского театра В. И. Никулина, получившаго массу привѣтственныхъ адресовъ.

Около 400 народныхъ учительницъ обратились къ В. И. Никулину съ просьбой дать имъ возможность посѣщать театръ по льготнымъ билетамъ на правахъ учащихся. Г. Никулинъ удовлетворилъ ихъ просьбу. Изъ пьесъ въ этотъ вечеръ шла «Пляска семи покрывалъ», Оскара Уайльда. Пьесу ставилъ г. Долиновъ и сумѣлъ придать ей требуемый колоритъ. Главныя роли поручены были г-жѣ Вульфъ и г. Ленковскому, но исполненіе этихъ артистовъ оказалось не вполне удачнымъ. Г-жа Вульфъ старается играть съ воодушевленіемъ, но иногда, какъ напр., въ передачѣ нѣкоторыхъ моментовъ жгучей, необузданной страстности, у артистки много дѣланнаго. Г. Ленковскому же мѣшало бы отрѣшиться отъ преувеличенныхъ эффектовъ въ декламациі.

— Въ Новомъ Театрѣ подвизается еврейская труппа. Составъ довольно многочисленный, исполненіе старательное и даже въ нѣкоторой степени художественное. Выдѣляется г-жа Заславская, поставившая для своего бенефиса «Крейцерову Сонату» Гордина. Хорошо играютъ г. М. Фишонъ и г-жа Брагинская. Недурны г.г. Арко, Мигдальскій и г-жи Бертель, Надина и Кушинская. Публика, посѣщающая спектакли, преимущественно еврейская, она часто переполняетъ театръ и тепло принимаетъ исполнителей.

Антрепренеръ Городского театра В. И. Никулинъ получилъ предложеніе о сдачѣ Городского театра на пасхальную недѣлю для гастролей М. Г. Савиной.

Вчера пріѣхалъ сюда известный артистъ П. Орленевъ, который, какъ говорятъ, намѣренъ выступить въ нѣсколькихъ спектакляхъ въ Город. театрѣ.

Одесскій театраль.

МАЛАЯ СЦЕНА

КАФЕШАНТАН ЫЕ СИЛУЕТЫ.

ЕЖЕДНЕВНО.

Жизнь кафешантана начиналась въ 8 часовъ вечера. Первыми приходили служащіе, распорядители, управляющій, — высокий, благообразный, стариннаго склада, сѣдой мужчина, немного угрюмый на видъ, но всегда корректный и вѣжливый, съ доброй, отзывчивой душой. Въ этомъ кабацѣ, гдѣ хористки готовы были изъ-за богатаго «гостя» перегрызть другъ-другу глотку, гдѣ хозяйки безбожно эксплуатировали своихъ бѣлыхъ рабынь, только этотъ старикъ управляющій сумѣлъ сохранять приличіе, только онъ одинъ среди многихъ распорядителей не пользовался ни подачками «гостей», ни подношевіями хористокъ. Благодаря этому, онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ хозяина, и вполне оправдывалъ это довѣріе. Хористки его побаивались, но и уважали. Въ одномъ изъ уголковъ кафешантана стоялъ его столикъ, съ неизмѣнной порціей чая въ двухъ бѣлыхъ чайникахъ, и сѣдой, нѣсколько угрюмый на видъ старикъ провожалъ строгимъ взглядомъ какую-нибудь шумѣвшую пѣвицу. Этого было вполне достаточно: нахмуренные брови и пристальные, «пронзительные» глаза какъ ушатъ холодной воды успокаивали шумѣвшую. Иногда, когда пѣвица или гость сильно скандалили и остановить ихъ не было никакой возможности, управляющій отдавалъ рѣзкое, короткое приказаніе: «Больше не пускать». И ни просьбы изгнаннаго, ни обѣщанія «нести себя прилично», ни угрозы — ничто не могло повліять на рѣшеніе этого старика, который зналъ «весь Петербургъ» и котораго знали тотъ-же «весь Петербургъ».

Круглый какъ шаръ, низенькій, съ краснымъ круглымъ лицомъ, распорядитель стоялъ у входа въ зрительный залъ, когда къ девяти часамъ вечера уже начинала прибывать публика. Этотъ расторопный, перекатывавшійся на малюнькихъ ножкахъ «Ксан-Иванычъ», какъ его называли для быстроты всѣ гости и пѣвицы, былъ вездесущъ въ своемъ кафешантанѣ. Сейчасъ его видѣли у оркестра, черезъ полминуты онъ уже сидѣлъ съ кѣмъ-нибудь изъ посѣтителей въ зрительномъ залѣ, минутой спустя, въ одномъ изъ «кабинетовъ» на скорую руку проглатывалъ рюмку рябиновки или краснаго вина и запикивалъ въ ротъ бутербродъ съ икрой. Этотъ круглый какъ шаръ распорядитель зналъ всѣхъ

(почти безъ исключенія) посѣтителей не только въ лицо, но по имени-отчеству, зналъ, чѣмъ данный «гость» занимается, откуда и сколько можетъ имѣть денегъ, могъ вѣрно опредѣлять «на глазъ», стоитъ или не стоитъ хористкѣ «марьяжить» этого гостя.

Для кафешантана онъ былъ необходимымъ человѣкъ.

Въ зрительномъ залѣ задвигали стульями, устраивая платныя мѣста для публики. Рѣшетка отдѣляетъ стулья отъ той публики, которая довольствуется входными билетами. Оркестръ начинаетъ увертюру, и концертное отдѣленіе открывается неизмѣнныхъ хоромъ въ русскихъ боярскихъ костюмахъ. Хоръ этотъ носитъ названіе «конторскаго», потому что хористки называются самою конторою кафешантана. Попасть въ «конторскій» хоръ составляетъ мечту каждой хористки: только въ этомъ хору правильно платятъ жалованье, и не нужно «выносить» денегъ за то, что сидишь съ «гостемъ», какъ это принято у «хозяекъ» другихъ хоровъ.

Публика кафешантана жадно слѣдитъ за тѣмъ, что происходитъ на сценѣ. Остроумные куплеты вызываютъ въ ней живѣйшій восторгъ. Балалайки въ рукахъ двухъ куплетистовъ звонко дребезжатъ, мелкой дробью сыплется безыскусственная музыка, нехитрая русская мелодія трогаетъ за душу подгулявшаго посѣтителя. Вспоминается ему деревня, когда самъ онъ, быть можетъ, «потренькивалъ» на балалайкѣ... Грустная мелодія переходитъ въ ухарскую... «Жарь, шпарь, наяривай!!» — въ экстазѣ вопять увлекшіеся посѣтители и лихо прытопываютъ въ тактъ каблуками. «Гуляй, деревня, — твоя недѣля!» — острятъ хористки, а бдительное око распорядителя Александра Ивановича уже устремлено на весельчака.

«Успокойтесь, успокойтесь, господа», говоритъ онъ и «приводитъ въ чувство гостя».

У стѣнки стоятъ нѣсколько пѣвицъ. Худая, съ блѣднымъ «лошаднымъ» лицомъ стоитъ шатенка Женя. Ея заспанные глаза зорко вглядываются во всѣхъ гостей, а цѣпкія руки «акулы» готовы, кажется, вцѣпиться въ любой бумажникъ, гдѣ лежитъ пятерка. Женя была когда-то деревенской дѣвушкой — привезли ее въ Петербургъ на мѣсто, но мѣста не нашлось и, брошенная въ столицѣ на произволъ судьбы, она какимъ-то образомъ ухитрилась устроиться въ трактирной кухнѣ, гдѣ питалась обѣдками. День проходилъ за днемъ, ночи смѣнялись одна другою. Женя (тогда еще Дуня) не видѣла исхода... и ея грязное ложе стали дѣлать съ нею случайные посѣтители. Ругань, побои, плевки и оскорбленія — все переносила эта дѣвушка, которая за полтинникъ предлагалась и дворнику и халатнику и мусорщику. Много было посѣтителей, но полтинниковъ съ трудомъ хватало на жизнь. Случайно Дуня попала въ кафешантанъ, и въ тотъ же вечеръ сдѣлалась «Женей». Плевки и побои достаточно озлобили ея характеръ, получилось то, что на шантанномъ «арго» носить названіе «акулы». «Гость», попавшій въ ея руки становился жертвою: изъ его бумажника подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ уходили всѣ денежки въ обширный ридиколь Жени. Много перебивало денегъ въ ридиколь Жени:

серьги съ бриллиантками, жакеты каракуловые, брошки — все это говорило само за себя. Но не мало говорилъ за себя и цвѣтъ ея лица, — зеленовато-сѣрый, — онъ наводилъ на грустные размышленія о томъ ядѣ, который медленно, но неуклонно сводить въ могилу.

Со сцены носились ухарскія взвизгиванія. Толстая, съ обвисшимъ тѣломъ пѣвица повторяла избитыя сальности на тему о «лодочкѣ». Глаза слушателей замасливались, и жадно останавливались на женщинахъ ищущіе взоры.

Жарко, душно въ этой атмосферѣ, пропитанной испареніями и желаніями. Тошнотворный угаръ и чадъ стоитъ всюду. Играетъ женскій оркестръ въ залѣ, которая уставлена столиками. Между ними, расталкивая себѣ проходы, протискиваются слуги съ судками и тарелками, прохаживаются пѣвицы, за ними слѣдятъ «хозяйки». Далеко за полночь; концертныя отдѣленія уже закончились; теперь ѣдятъ, напииваются и возбуждаютъ себѣ чувственность разговорами. Табачный дымъ впитъ облакомъ. Громкій смѣхъ и звонъ посуды на секунду заглушаетъ другіе звуки. Отрывки разговоровъ лѣзутъ въ уши. Пьяно.

«Въ кабинетъ, въ кабинетъ» — пьяная компанія покидаетъ столикъ и пошатываясь направляется въ «кабинетъ».

— Хоръ, зови хоръ! — хозяйка, Анна Евгеньевна суетится, бѣгаетъ, сзывая пѣвицъ.

— Шура, Шура!!.. Въ «кабинетъ» — скорѣе! Позовите Маню...

— Въ который кабинетъ? — на ходу спрашиваютъ хористки.

— Седьмой, седьмой...

— Гдѣ же Маня?

— Какая Маня? У насъ много...

— Да, Маня — Клюй, Маня — Клюй.

— А-а-а... Такъ бы и сказали... Сейчасъ позову...

Хоръ быстро собирается въ «кабинетъ».

Уже поздно. Скоро конецъ. Всѣ ходятъ какъ угорѣвшіе. Слышенъ звонокъ.

Три часа ночи — конецъ «вечера». Изъ «кабинетовъ» несутся пѣни и крики.

Въ залѣ, которое уже пустѣетъ, за столикомъ сидитъ сильно пьяный танцоръ одного изъ хоровъ.

«Васькѣ-любимчику» — танцору — превосходно живется за пазухой содержательницы хора, Анны Евгеньевны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-Издатель В. Т. Блохинъ.

Музыкально-драматическіе и Оперные курсы

Утвержд.
Правительств.

Фистулари и Заславскаго

Морская 36, № телеф. 275—30.

Составъ преподавателей: пѣніе: арт. И. Оп. Я. М. Будкевичъ, проф. конс. К. Ферри-Джиральдони, арт. И. Оп. А. М. Давыдовъ, проф. I. I. Морелли. Фортеп.: Г. Я. Фистулари, Г. И. Романовскій, Е. М. Ранушевичъ, К. Р. Жуковичъ. Скрипка: Г. Я. Заславскій. Виолонч. Сол. И. Р. О. Е. В. Волфъ-Израэль. Контраб. ар. И. Оп. г. Бехъ. Арфа: Сол. Дм Андреевъ. Флейта: арт. Имп. т. В. Н. Цыбинъ. Гобой: проф. конс. В. Л. Геде. Кларнетъ: арт. И. т. Б. Р. Вольенъ. Фаготъ. Арт. И. т. В. Я. Халить. Труба: проф. конс. А. Б. Гордонъ. Волторно. Арт. И. т. В. С. Сольскій. Тромбонъ. Проф. конс. П. Н. Волковъ. Спец. оперный классъ: Ар. И. т. А. М. Давыдовъ и Г. Я. Фистулари. Спец. теорія. Г. Я. Фистулари и Е. М. Ранушевичъ. Эстетика. А. П. Коптяевъ. Исторіи музыки: Н. Д. Бернштейнъ. Бесплатно: оркестръ и хоров. классъ Г. Я. Фистулари. Совм. игра и кварт. классъ Г. Я. Заславскій. Драматич. классъ: бывш. гл. реж. Им. др. т. и главн. реж. т. Литер. Худ. Общества Е. П. Карповъ, бывш. реж. т. Яворск. С. М. Ратовъ. Истор. сц. творч. въ связи съ психологіей. Д—ръ В. В. Чеховъ. Гриммъ. К. А. Дроздовъ. Фехтованіе: А. А. Лимановъ. Пластика, мимика и танцы: сол. И. бал. О. О. Преображенская, Упражн. по драм. класс. начин. съ перваго года занятій. При курсахъ устроенъ концерт.-театрал. залъ и сцена совсѣми приспособ.

Пріемъ поступающихъ ежедневно отъ 12 ч. д. до 6 ч. в.

Рояли бр. Дидерихсъ.

Программы выдаются и высылаются б. зплатно.

Дирекція курсовъ *Т. Я. Фистулари.*
Т. Я. Заславскій.

Утвержденное Правительствомъ

И
ОБЕЗПЕЧЕННОЕ * * *
*** * * * * ЗАЛОГОМЪ**

ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ

— Первое С.-Петербургское —
Театральное Агентство

В. РЕЙТЕРЪ

Невскій пр., № 50. Телефонъ № 56—61.

Здѣсь-же КАФЕ

съ обширными художественно отдѣ-
ланными и роскошно обставленными
залами, гдѣ артисты встрѣчаются со
своими collega'ми.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1908 годъ

на еженедѣльный иллюстрированный театральный и литературно-художественный журналъ (in quarto)

„СЦЕНА И ЖИЗНЬ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 1 годъ—8 руб., на $\frac{1}{2}$ года 4 р. и на 3 мѣс.—2 руб. Цѣна №№ въ розничной продажѣ 20 коп.

Въ провинцію отдѣльные №№ высылаются за 4 семикопѣчныя марки. Для артистовъ, лицъ причастныхъ къ сценѣ и годовыхъ подписчиковъ справки, помещеніе адресовъ и объявленія (по предложенію труда) не болѣе 5 строкъ въ каждомъ №рѣ—**Безплатно.**

Розничная продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ кіоскахъ и у газетчиковъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ и по телефону 78—25.

Редакція и Главная Контора: Невскій 66, (противъ Аничковскаго Дворца).

Ред.-Изд. В. Г. БЛОХИНЪ.